

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

УСЛОВИЕ СЧАСТЬЯ

«Злой не верит...»

Стекольщики Большевишерского завода так славно пели во время работы! Пели все — от мала до велика, пели, когда руки проворно выполняли знакомое дело, а какая-то незанятая часть души требовала выхода. С песней работа шла легче. А может, это пелось от того, что дело спорилось в руках?

Неизменно в дружном хоре выделялся голос редкого богатства — голос прессовщицы Прасковьи Мусатовой, Пани. Работа ее была такая: когда подносчик поставит на станок заготовку, нужно схватиться за ручку верхней крышки пресса — длинное коромысло — и с силой пригнуть его вниз, чтобы заготовка приняла нужную форму и на ней бы отпечатались все узоры. Заготовка еще красная от жара, а форма смазана маслом — все дымится, пышет огнем. Трудно, а осанка у Пани королевская, и все-то шутит, все поет.

Придет домой — ребятишки кинутся навстречу. Уложит спать свою «мелкоту», истопит печку, наварит каши на завтра и сядет у репродуктора — вдруг выловится хорошая песня или частушка.

А в какую-нибудь бесконечную ночную смену, когда стекольщики закрывают носами, споет эту частушку. А то швырнет фуфайку на пол и громыхнет на весь цех: «Гимнастику начинай, раз — два. Ноги вверх!» Растормошит и самого сонного. Улыбаются все: «Ну, Паня, расшевелила. Пошло дело!»

Кажется, есть ли горе страшнее, чем потерять мужа да остаться одной с семерыми ребятишками мал-мала меньше на руках? Но жизнь пригодила ей еще испытание пострашнее.

Началась война. Немцы подступали к Ленинграду, Новгороду. Все большевишерцы, кто только мог, побросали в телеги свои пожитки и двинулись на север. Паня о барахлах и не думала — едва пристроилась со всеми ребятишками на подводу.

Гитлер говорил: «Война — это я». Большевишерцы не видели фашистов, не ужасались при виде ран, крови, но и им знакомо жуткое лицо войны. Вернулись в родной поселок, а его почти нет. Немцы разрушили многие дома, взорвали завод. А завода нет — значит, и работы нет, нет жизни. Поселок Большая Вишера появился и существовал ради завода. Профессию стекольщика дед передавал отцу, отец — сыну. Здесь сложились целые династии с общим стажем в сто и двести лет, династии Ростовских, Шорниковых, Туковых.

Каждый день приходили рабочие на пепелище завода. Они соскучились по жару варочных печей и хрупкому стеклу. И как ни трудно было, завод восстановили, по крохам собрали.

Снова поют в цехах. И по-прежнему лучший в дружном хоре — голос прессовщицы Пани Мусатовой.

Но ее и после войны подстерегало горе: один за другим умерло пятеро детей Прасковьи Федоровны. На втором, на третьем десятке лет настигала их расплата за голодное военное детство.

Через много лет после окончания войны в этом доме грянуло ее эхо.

Я знала уже историю жизни Прасковьи Федоровны, когда поступала в ее дом. Знала, что двое оставшихся в живых детей ее далеко и она живет совсем одна. Давно на пенсии. Мусатова встретила меня приветливо, напоила чаем с вареньем из морошки и каким-то коричневым сахаром. «Сама его варю: белый сахар, хоть в ухо мне стреляй, есть не стану!»

Потом ввела в просторную комнату. Стены были увешаны большими фотографиями. Мать обвела глазами портреты детей и сказала с мукой, перевернувшей душу:

— Осталась я одна...

Встречая меня, Прасковья Федоровна отодвинула в сторону рукоделье: «Занималась тут всячиной». На белом полотенце, напяля уставшие за семьдесят лет глаза, она вышивала крестом: «Злой не верит, что на свете добрые люди есть». Оставалось дошить начатую уже подпись «Мусатова...»

Сколько же нужно мужества, чтобы вынести все, что обрушила на нее судьба, и не ожесточиться и выбрать для вышивки именно такие слова: «Злой не верит...»

Вся ее жизнь была — работа. От века живет в человеке труда доверие к другому работнику: всякий, кто создал что-нибудь сам, не сможет разрушать. Работа возвышала душу до песни, а значит, делала жизнь красивее.

Прасковья Федоровна напевала мне своим хриловатым, очень естественным, все еще сильным голосом старинные песни, вспоминала частушки и вдруг призналась с застенчивой улыбкой: «Меня скоро, сказывали, с моей прялочкой в Новгород повезут, на концерт».

Работа и песни спасают ее сейчас.

Цепь не прервется

В центре Вахшской долины, в жарком городе Курган-Тюбе живет таджичка с двумя черными косами, красивая, смешливая. Она выглядит совсем юной и всерьез переживает, что ей, учительнице, недостает солидности. Зовут ее Латофат Савурова.

Латофат родилась через пять лет после окончания войны, и та лично ее не коснулась. Вечерами их дружная семья собирается во дворе под огромной древней шелковицей. Один за другим сходятся все: папа, мама, Майрам, Хурматой, Усманджон, Кимат, Бахромджон, Хакинджон, Уктамджон, Самиджон, самый младший Салимчик и самая старшая — Латофат.

Они пересказывают друг другу новости, пошучивают над озорными мальчишками. Ребята растут боевые, но и трудолюбивые. Вот придумали сами «чучелки» — склеили из бумаги кольца, наизили на нитки. Нитки висят на ветках, кольца крутятся, шуршат на легком ветру, отпугивают от грядок нахальных птиц.

Кто-нибудь из девочек подает ужин. Если вдруг упадет кусочек лепешки, его поднимут, поцелуют и положат куда-нибудь высоко, — чтобы хлеб был выше человека.

Латофат с детства знает: хлеб, труд — это свято. Сначала она преподавала химию в школе № 7, в таджикских классах. Потом ей передали и ботанику, и зоологию, и биологию — учителей в школе не хватает. К тому же Савурова — секретарь учительской комсомольской организации и член бюро горкома. Сутки ей малы. С детства была она отличницей и сохранила «вредную» привычку делать все на «отлично». Понавыписывала газет, журналов — хочет восполнить недостаток опыта знаниями. В каждом письме от нее: «Работы много, жизнь идет хорошо».

Не есть ли это стихийно выведенная формула счастья или хотя бы условие, без которого счастье невозможно: работы много — жизнь идет хорошо.

...Латофат уже подходила к воротам, когда послышалось: «Муаллима!» и откуда-то из-под розовых кустов вынырнул Рахим. Рубашка вылезла из брюк, волосы торчком, сам запыхался.

— Муаллима-джун, я вас давно жду.

Лицо учительницы просияло. Наконец-то! Она сама ждала Рахима. Нет урока, на котором Латофат не делала бы озорному

мальчишке замечания, и теперь учительница приготовилась слушать покаянную речь.

Рахим засопел, заглянул ей в глаза просительно и решился: — Учительница, а как делать порох?

Латофат сникла. Потом ей стало смешно. И вдруг помчалась к школе — скорее наверх, в кабинет химии, проверить, надежно ли заперты шкафы с реактивами.

Весь день про себя ругала Рахима: как он ее испугал и как разочаровал... Потом вдруг рассердилась на себя: она же радоваться должна — Рахим любознателен! Его нужно в кружок химии затащить, который она ведет. Учительница знает: есть ребята, которым мало одних уроков. На кружке они сами придумывают интересные опыты, готовят олимпиаду и забрасывают Латофат Савуровну вопросами.

...Есть еще одно условие счастья — уверенность, что труд, которому отдаешь все силы, будет не напрасен, знать, что и добро и знания, посеянные тобой, взрастут, умножатся, перейдут от учеников к их детям и что цепь эта не прервется вдруг по чьей-то злой воле.

Строим на века

Трубы, трубищи ползут, громяхая, по длинным ниткам рольгангов. Только что сваренные швы еще под коростой флюсов. Надежда Вьюжанина поворачивает один из пятнадцати рабочих ключей своего пульта, и труба перекачивается на подъемник. Подъемник идет вверх, щелкают ключи, и сильная струя воды, как ножом, срезает флюсовую корку.

Идя на смену, Надежда внутренне собирается, гонит из головы посторонние мысли. Работа оператора только по видимости легка — смотри да щелкай ключами, — она требует собранности и ежесекундного внимания. В их цехе, где мощные прессы гнут стальные листы, где пылает огонь электросварки и скользит над головой огромный мостовой кран, в их цехе без осторожности никак нельзя. Надежда уже 11 лет оператор, и не имела ни единой аварии. При необходимости может заменить любого из десяти операторов цеха — в свободные минуты из любопытства и всегдашнего желания знать и уметь как можно больше она изучила работу всех пультов.

Ей тридцать восемь лет, дома — муж, взрослый сын, студент техникума, дома — хозяйство, а она бежит на смену с радостью.

— Работа, может быть, главное для человека, — раздумывая, говорит мне Надежда. — Не случайно ведь, когда встречаются люди, давно друг друга не видавшие, первый вопрос общий — как живешь? — а второй обязательно — где работаешь? Ведь верно?

Где работаешь? На этот вопрос Вьюжанина не без гордости отвечает: в шестом цехе Челябинского трубопрокатного завода, в том самом цехе того самого завода...

Лет десять назад всю нашу страну взволновало событие: западногерманская фирма, поставлявшая нам трубы большого диаметра, внезапно, не объясняя причин, прекратила поставки. В это время трубы уже ждали на строительстве газопровода Бухара — Урал.

Ровно через полтора года после прекращения поставок на железнодорожную платформу была аккуратно уложена огромная труба. Рядом легла вторая, десятая. Поезд ушел из Челябинска в сторону строительства газопровода.

Между тем любящие точность немцы полагали, что это могло случиться не раньше, чем через пять лет. Они знали, что ни один прокатный стан Союза не выпускает листов такой ширины, которая годилась бы для трубы 1220. Значит, русским придется строить новый мощный стан, — а на это надо не менее пяти лет.

Но челябинцы предложили решение, которого никто не ждал, — они сделали трубу из двух узких полос проката, они сделали двухшовную сварную трубу. Ни по каким показателям она не уступала немецкой.

...Вьюжанина поворачивает ключ, и еще одна труба уходит на отделку, затем следует в ОТК. Без труб невозможно себе пред-

ставить ни одну строительную площадку. А вся наша страна — это гигантская стройка. Страна залечила раны войны и теперь много строит — строит на века. Найти ли более красноречивое свидетельство ее миролюбия?

Рецензия Веры Шороновой

Работа у Веры Шороновой простая — взять с ленты конвейера подоспевший кусочек кожи, сунуть под «иглу» швейной машины (только у этой машины не игла, а как бы крошечный молоточек) и загнуть этим быстро-быстро бьющим молоточком край детали. Следующая работница соединит вместе две готовые детали, а еще через две-три операции станет видно, что вот-вот появится на свет новый детский башмачок.

Когда умер отец, Вера успела закончить только восемь классов. Пришлось идти работать. А куда? Первое, что пришло в голову, — туда же, где всю жизнь работает мама, на фабрику «Скороход».

На конвейере хорошие, честные, работающие девчата, они уже давно свои. Это не цех, это дом. А что за стенами этого дома? Многое...

У Веры несколько больших пакетов, полных использованных театральными билетами. Такая уж странность — она их не выбрасывает.

Мама не раз ворчала:

— Чего ты эти бумажки не выбросишь? Зачем они?

Вера как-то в шутку сказала: «А затем, чтобы подсчитать в конце жизни, сколько денег истратила на театр, понять, что могла купить новую «Волгу». И обрадовалась, что не купила!»

Вера очень часто ходит в театр. Не без робости (боюсь вызвать иронические улыбки) сообщает, как часто: едва ли не каждый день. Ходит не одна — с подругами. Но девушки не принадлежат к тем экзальтированным театралкам, которые вырывают пуговицы «с мясом» из пиджака обожаемого артиста. Таких Вера слегка презирает. Она любит театр серьезно, не только понимая, но и зная многое. У нее не очень большая, но со вкусом подобранная театральная библиотека. Тысячи — это не преувеличение — хорошо выполненных фотографий: сцен из разных спектаклей (снимает сама, ради театра специально научилась фотографировать). Есть несколько альбомов — в них кадр за кадром сняты ее любимые балеты. К ее «архиву» нередко прибегает редакция многотиражной газеты фирмы «Скороход». Там же публикуются Верины рецензии на новые спектакли. Их читают, обсуждают. Можете быть уверены, если подпись — Шоронова, есть о чем поспорить, подумать.

Домой к Вере, как на экскурсию в музей, приходят подруги по цеху. Многие рассматривают снимки, программки спектаклей со знанием дела — их Вера уже научила любить театр, как научили ее когда-то другие люди.

Теперь она не представляет жизни без театра. От него пришло увлечение живописью (Вера ходит на лекции в Эрмитаж). От живописи — архитектурой. Мир стал ярким с тех пор, как Вера пришла в театр.

* * *

Тихо поет, сидя у прялочки, бывшая прессовщица Прасковья Федоровна Мусатова.

Ищет в книгах ответы на вопросы учеников учительница Латофат Савурова.

Стоит на капитанском мостике своего пульта Надежда Вьюжанина.

Торопится на балет в Кировский оперный театр швея фирмы «Скороход» Вера Шоронова.

У этих женщин есть веские основания хотеть мира, потому что вся их жизнь — любимая работа, надежды на будущее, богатство внутренней жизни, душевный покой, благополучие, наконец, — все это возможно, пока на земле мир. Люди разных поколений, они не все пострадали из-за войны так тяжело, как Прасковья Федоровна. Отец Латофат, хоть и воевал, но не был ранен и сейчас полон здоровья. Но и в доме Савуровых порой тревожатся, когда задерживаются письма от одного из братьев — он служит в Советской Армии. Он-то пишет бодрые письма: здоров, овладеваю техникой, шлю армейский привет. А все же мать не спит, если писем долго нет, она просит Латофат писать брату чаще и собирает посылки — орехи, кишмиш и огромные красные гранаты. Мирные гранаты. Она понимает — так нужно, чтобы сын был там, далеко, нужно для покоя и мира.

Человеку труда нужен мир. Не случайно именно Декрет о мире был первым декретом Советской власти, власти рабочих и крестьян. И сейчас, когда наш народ идет дорогой коммунизма, на его знамени по-прежнему рядом со словом «труд» стоит слово «мир».

Л. ТАРХОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал
Основан 8 марта 1914 года

МАЙ 1974 г. ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НЕДАВНО ЗА УСПЕХИ, ДОСТИГНУТЫЕ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ В ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ, БЫЛА УДОСТОВЕРЕНА ВЫСОКОГО ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА БОЛЬШАЯ ГРУППА ПЕРЕДОВИКОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. БОЛЕЕ СОРОКА ИЗ НИХ — ЖЕНЩИНЫ, РАБОТНИЦЫ САМЫХ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИЙ.

ЖУРНАЛ ОТКРЫВАЕТ СТРАНИЦУ «О ТОВАРИЩАХ И О СЕБЕ», ГДЕ ВЫСТУПАТ НОВЫЕ ГЕРОИ ТРУДА.

ПЕРВЫЕ АВТОРЫ — ПОЕЗДНОЙ ДИСПЕТЧЕР, ФЛОТАТОР, ВАРЩИЦА КОНСЕРВОВ.

О ТОВАРИЩАХ И О СЕБЕ

Идея Фоминична УЛЬЯНОВА,
поездной диспетчер станции Сковородино
Забайкальской ж. д.

КАК ОДНА СЕМЬЯ

Профессия железнодорожника у нас, можно сказать, семейная. Отец мой — Фома Лукич Лях, работал бригадиром путей на

маленькой станции Мадалан, а мама растила нас, пятерых дочерей. Я с детства привыкла видеть проходящие поезда. «Сколько же их... — думалось мне. — Куда они идут и идут? Почему?» Потом я узнала, что водят поезда машинисты, управляют движением дежурные по станции, стрелки переводятся с поста механической централизации стрелочными рычагами, а семафоры открываются сигнальными рычагами. «Интересно, сумею ли я этим управлять? — думала я. — Ведь это, наверное, очень трудно».

Школу я окончила в 1942 году. Время было нелегкое — большая часть мужчин-железнодорожников на фронте. Посоветовавшись с отцом, решила работать сигналистом на посту. Так с 17 лет началась моя трудовая жизнь на железной дороге.

Первой моей учительницей на посту сигналиста была Зоя Евлампиевна Усова, мать пятерых детей, женщина большой души и сильного характера. Муж ее был на фронте, а ей приходилось и с детьми возиться, и на работе успевать, да и меня учить. С ее легкой руки я через месяц стала работать самостоятельно.

Вот уже скоро тридцать лет я на транспорте. Работала оператором, сигналистом поста элек-

трической централизации, дежурным по станции и, наконец, поездным диспетчером. Должность эта раньше считалась мужской. Но мне не хотелось уступать мужчинам. Я окончила курсы поездных диспетчеров — и, как видите, справляюсь. Уж теперь-то я хорошо знаю, «и куда идут поезда, и как, и почему». Сама формирую маршруты, сама управляю графиком движения.

Наше Сковородино — большая станция на транссибирской магистрали. Участок, который мы обслуживаем, Сковородино — Уруша, как принято говорить у транспортников, грузонапряженный — тысячи тонн грузов ежедневно идут на стройки Сибири и Дальнего Востока. И мы не довольствуемся тем, что все пассажирские и грузовые поезда проходят у нас точно по графику, а отыс-

киваем и вводим в дело все возможные резервы. Разработали графики подачи вагонов под разгрузку для каждого поездного пути. В результате простой вагона под одной грузовой операцией сократился на два с половиной часа. Организовали скоростное продвижение порожняковых маршрутов. Недавно по нашему предложению открыли три дополнительных блокпоста — и теперь участок может пропускать значительно больше поездов.

Успех работы поездного диспетчера во многом зависит от слаженности работы всей смены. Легко работать постоянно с одними и теми же людьми, привыкаешь к характеру, к «почерку» работы каждого. Организовать дело так, чтоб смена работала ритмично, не очень-то просто. Помогает опыт, накопленный еще тогда, когда я была дежурным по станции. Помогает и дружба, спаянность. Зимой морозы в Забайкалье бывают и за 40—45 градусов. Я-то работаю в помещении, а товарищи мои — составители, осмотрщики вагонов, путейцы — на морозе. Тут согревают и доброе слово, и шутка, и любое внимание. К концу смены обязательно поблагодарю всех, иногда по телефону, а чаще лично на утренних и вечерних планерках.

В последнее время в отделении появилось много молодых женщин-диспетчеров. Я стараюсь передать им все, что знаю сама. Правда, теперь ко мне уже обращаются «Идея Фоминична», а не «Ида», как прежде. Но когда у меня спрашивают совета, то для меня это, не знаю, как лучше и сказать, счастье, наверно. Зайду в диспетчерскую к Лиде Мироновой, Тамаре Алексеевой, Тоне Москалевой, услышу их молодые уверенные голоса, отдающие распоряжения, — и мне очень, очень хорошо становится.

Соревнование в слаженном коллективе — великая сила. Пишу на листе бумаги свои обязательства, а мысленно уже вижу, как буду их выполнять, как и с кем мне нужно работать, вижу лица моих товарищей.

Дружба помогает нам не только на производстве, помогает, и когда беда нагрянет. Долгое время работала я на транспорте вместе с мужем — машинистом паровоза. Часто приходилось продвигать по участку и его поезд. И вот пять лет назад не стало моего мужа Валентина Павловича Ульянова. В это тяжелое время поддерживали меня товарищи по работе. Сейчас моя семья — мои дети. У меня их трое, старшие уже обзавелись своими семьями и подарили мне двоих внучат, младшая пока школьница, все считаю ее маленькой, хотя Лена в 9-м классе.

Я благодарна Родине за высокую оценку моего труда, да и не только моего, а и моих товарищей, нашего коллектива. И постараюсь работать еще лучше — все свои обязательства мы выполним и перевыполним. Как всегда. Кто-то из вас будет проезжать станцию Сковородино и сам оценит нашу работу.

САМАЯ ОБЫКНОВЕННАЯ

Нина Григорьевна ЧЕКУШИНА,
старший флотатор обогатительной
фабрики Балхашского
горно-металлургического комбината
имени 50-летия Октября.

Жизнь у меня самая обыкновенная. Приехала на Балхаш в 1940 году с родителями. Училась в школе, потом поступила в ремесленное училище. В 1945 году получила специальность обогатителя и пошла на фабрику, где и теперь работаю. До этого, между прочим, в нашей родне никто не работал на заводе, а я вдруг пошла. Это поднимало меня в глазах родичей. Все говорили: «Посмотрите, у Саньки (это мою маму так раньше называли) дочка-то на большом заводе работает!»

Профессия моя мне сразу понравилась. Очень интересно было с камушками возиться: в ремесленном уроке у нас был такой — минералогия, — мы же на обогатителей учи-

лись. Я всю жизнь жила далеко от заводов, в поселках, так мне было вдвойне интересно, что из камня вдруг медь получается.

Встретили нас на заводе строго, в то время вообще народ был суровый, война только-только отгремела. И это оставило свой след в моем труде навсегда. Понятие осталось: работать надо так, чтоб результат был чуть лучше других, чтобы экономия была чуть больше, чем у других.

С первого же дня на фабрике запомнилось мне, как наш мастер Сарамбаев проводил оперативные совещания. Начинал с того, что сравнивал результат работы прошедшей смены с текущей, напоминая, что наш коллектив в этих показателях отражается как в зеркале. Между прочим, это та самая смена, в которой я работаю и сейчас. Уже в то время она была передовой.

А трудности тогда были, каких теперь не встретишь. Корпуса машин, желоба были деревянные. Часто приходилось заделывать течи. Не хватало техстропов — ремней, что приводят в движение блоки. При большой нагрузке ремни лопались и блоки оставались. Бывало, остановится один — пока наладишь, хлоп — другой, третий, пятый встал. И даже по-своему интересно, что это я, такая маленькая, а могу им помочь. Бегаю и шепчу:

«Сейчас, родненькие, сейчас!» Пушу один да скорей к другому — его привести в движение, а то ведь блок стоит, и все мертво, и драгоценные частицы меди уходят в хвосты, в отвал.

Ради этого все мы и работаем, чтоб минерал сделать живым, чтоб он людям приносил пользу.

Теперь что не работать! Цеха светлые, просторные, чистые. Много труда автоматизированного, механизированного — красота! Правда, есть еще у нас на фабрике и ручной женский труд. Но надеемся, что скоро и труд всех наших женщин станет легче. А какая теперь производительность на фабрике — не сравнить. Даже порой кажется, что руды стали другими, по-другому флотироваться.

Профессия моя интересная, особенно тем, что в ней еще много неизвестного. Все время чувствую: вот обыкновенная женщина, а управляю сложным процессом, мне подчиняются частички меди. Флотация — это английское слово, оно означает всплывание. Флотация и основана на том, что частицы меди в мелко раздробленном состоянии, в отличие от пустой породы, способны не смачиваться водой и при помощи пузырьков воздуха и реагентов всплывать на поверхность. Мы, флотаторы, стоим на страже, следим, чтоб ни одна частичка меди не пошла в хвосты, а только в дело.

Первым моим наставником на фабрике была Анна Алексеевна Муравьева, а потом учили хорошо вести процесс флотации Михаил Исакович Городецкий и Густав Августович Кепп — технические руководители фабрики. Запомнилось навсегда, что они о флотации, как о живом существе, рассказывали. Очень многому также научилась я у мастера смены Жилкибоя Бейсова, с которым проработала 22 года. Сейчас он начальник нашей фабрики. И тоже Герой Социалистического Труда. У него переняла я требовательность ко всему — к соблюдению технологии и к дисциплине. Все эти люди, которых я вспоминаю всегда с благодарностью, научили меня не только работать, но и жить.

Были и у меня ученики. Некоторые работают на фабрике до сих пор. Валентина Васильевна Кочуркина, Жумагуль Жунусова, Роза Рафаиловна Дик. Учились у меня практике и инженер-обогадитель Гульнара Мустафина и техник-обогадитель Нелли Александровна Ефимчук.

А соревнование? Когда человек соревнуется, берет на себя повышенные обязательства, он строже оценивает свои дела, свои поступки. Это первый шаг к сознательной дисциплине.

Соревнуюсь я с Эммой Яковлевной Морозовой. Мы с ней работаем на одном участке, принимаем смену друг у друга. Когда смену принимаешь или сдаешь хорошо, это очень много значит. Тут уже заложена возможность успешных результатов.

Есть ли трудности на работе? А где их нет, трудностей? Так ведь на то мы и живем, чтобы их преодолевать. В прошлом году, например, стала поступать на нашу шестую секцию руда с нового, Саякского рудника. Руда эта сильно окисленная, и флотировать ее поэтому очень трудно. Как ни старались, а медь терялась, неизвлеченные частицы ее уходили в отвалы. Полгода мучились с этой рудой, добивались, чтоб на каждую партию был предварительный анализ, чтоб пересмотрели нормы расхода реагентов. И в результате одолели саякскую руду — не только потери меди прекратились, но и дополнительно к заданию наша смена извлекла из рудного сырья около 250 тонн меди в концентрате.

И 1974 год разве будет легким? В ответ на призыв партии ознаменовать 1974 год новыми успехами в труде я взяла обязательство: до конца пятилетки дополнительно к повышенному плану извлечь меди и сэкономить реагентов на сумму 130 тысяч рублей. И надеюсь его выполнить. Не только я, весь наш коллектив настроен на то, чтобы план пятилетки выполнить и перевыполнить. Коллектив у нас замечательный! За перевыполнение планов пятилеток, за активное участие в общественной жизни цеха многие женщины отмечены правительственными наградами, а трое награждены орденом Ленина. Мне, я считаю, звание Героя присвоили благодаря коллективу коммунистического труда, в котором я живу и работаю вот уже двадцать девять лет. Страшно и подумать, что когда-то придется с товарищами расставаться! Но пока расставаться рано. Сил еще много!

О ТОВАРИЩАХ

И О СЕБЕ

53 МОИХ УЧЕНИКА

Райса Егоровна ДЕМЧУК,
варщица-оператор Крымского
консервного комбината
Краснодарского края.

Моим наставником на производстве была Александра Митрофановна Данилова, тоже Герой Социалистического Труда. В то время, когда я пришла на комбинат, она работала начальником томатного цеха. Это было 25 лет назад. Меня, тогда детдомовскую девчонку, попавшую впервые на производство, работа в варочном цехе и пугала и манила. Страшно было: моторы, насосы, все шумит, кипит. (сейчас-то я в этом шуме по «голосу» узнаю, какой насос барахлит), а тогда... Первые три дня вообще думала — убегу, и все! Но привлекла возможность получить специальность, научиться управлять таким сложным процессом. И пошла учиться на курсы варщиц, которыми и руководила Александра Митрофановна. Она мне на курсах очень помогала, да и после

их окончания, когда училась я на практике у опытной варщицы Шуры Потапенко. Каждый день ко мне Александра Митрофановна подойдет, расспросит, как дела идут. Мне, детдомовке, особенно дорого было ее внимание, и я старалась.

Вскоре начала обслуживать 15 чанов вместо 10 по норме. Варим мы томат-пасту, ту самую, без которой не сготовишь хорошего борща и которая пользуется большим спросом у хозяек. Только у нас-то масштабы не домашние: в каждом чане за одну варку получаем 4 тонны томатопасты. Я отработала такой ритм, который позволил сократить время каждой варки на 15—20 минут. Это дает возможность выпустить больше продукции. Свою пятилетку я выполню к 5 декабря 1974 года.

Но каких бы успехов я ни достигла, всегда помню слова своей учительницы Александры Митрофановны: «Главное — выучить молодежь, чтоб была смена». Поэтому у меня все время ученики: учу и студентов-практикантов и своих подсобниц. Всего за три года обучила 53 человека. Одна из моих учениц — Любовь Петровна Опацкая — теперь уже сама классный специалист, старший варщик, и работает моей сменщицей. Саша Тополо сейчас технологом на консервном заводе в

Донбассе. Приезжает к нам в гости, заходит посоветоваться о производственных делах.

Запомнился мне смотр-конкурс молодых варщиц, на котором моя ученица Марина Силос заняла первое место. Проходил конкурс у нас в цехе. Каждая молодая работница должна была провести самостоятельную варку, уложившись в контрольное время. А мы, их недавние наставники, старшие варщицы, — хоть и стояли тут же, рядом, но подсказать не имели права. Уж и болели мы за своих учениц! Так переживали! Казалось бы, есть у нас технологический режим, задано количество массы, известно время варки, — и все же от мастерства варщицы многое зависит. Тут свои навыки, свои секреты, когда и сколько доливать пасты взамен выпарившейся, как открывать вентили — плавно, а не рывком, и многое другое.

По тому, как наши ученицы вели варку, ясно было, сумели мы их научить своим секретам или нет. И когда оказалось, что моя Марина лучше других справилась с заданием — и успела вовремя, и качество варки отличное — я так была рада! Слово сама впервые варила. Надели на Марину красную ленту победителя. А я вспомнила свою учительницу Александру Митрофановну Данилову: кто знает, может, Марина или кто другой из 53 моих учениц продолжит дальше нашу эстафету: ученик Героя Труда сам заслужит звание Героя.

СТИХИ

О ЛЮБВИ

Лариса РОМАНЕНКО

Озеро зябликов

Земных забот круговорот
Так утомляюще привычен,
И в нем не слышен голос птичий...
А где-то озеро живет.

К его яснейшей глубине
Подходят ели вереницей.
От песни зяблика лучится
Оно на утренней весне.

Озерным солнечным глотком
И я внезапно причастилась,
Когда мне выпал, словно милость,
Путь по лесам с тобой вдвоем.

Всего глоток вдохнула я
Той глубины, но посветлела,
Веселым зябликом запела
Душа печальная моя.

...Не понимаю, что со мной?
Вновь по домам развел нас город
Легко. Что ж снят нас озеро
С лесной, поющей глубиной?

* * *

Мне не досталась легкая любовь,
Но чем она труднее, тем богаче,
Пусть реже улыбаюсь, чаще плачу,
Но не нужна мне легкая любовь.
Земля без неба — день мой без тебя, —
Я говорю. И ты в ответ киваешь,
И ты любви нелегкой цену знаешь.
Земля без неба — день твой без меня.
Так любят в первый и в последний раз:
О том, что будет, даже не гадая.
Любовь бесстрашная и молодая
Бывает в первый и в последний раз.

* * *

То ходит слабый по пятам,
А то в сторонке затаятся.
Смеяться, плакать или молиться,
Своей любви? Не знает сам.
С недоумением и тоской
Гляжу вослед: зачем казнится?
Не надо мне любви такой,
Что тени собственной боится,
Что мечется весь век птенцом,
Не утоляя жажды взлета,
И ждет спасенья от кого-то,
Хотя спасенье в нем самом.
Не надо мне любви такой,
Что защитить себя не может,
Разлуку на разлуку множит.
С недоумением и тоской
Гляжу, себя не узнаю:
Так сиротливо сердце сжалось.
И чувствую: родится жалость,
И жалости не признаю.

Прогнать?
Проклясть?
Сойдешь с ума,
Пока любви решится участь!

И радуюсь живу или мучась,
Уже не ведаю сама.

Из поэтической тетради

Светлана Соложенкина родилась и выросла в городе металлургов и железнодорожников — Златоусте. Здесь в местной газете «Златоустовский рабочий» в 14 лет опубликовала свое первое стихотворение, посвященное металлургу Аносову. И с тех пор ее стихи часто печатались в различных газетах и журналах.

В 1962 году Светлана Львовна с отличием закончила поэтическое отделение Литературного института имени Горького, после чего три года работала в редакции журнала «Литературный Азербайджан».

Первая книга поэтессы «Мой отчий дом» увидела свет в 1966 году. Сейчас в издательстве «Советский писатель» готовится к печати вторая книга Светланы Соложенкиной «О небе насущном».

Светлана СОЛОЖЕНКИНА

* * *

Кто — в столице, кто — в деревушке,
ну, а я — родилась на опушке,
и качали мою колыбель,
чередясь, береза и ель.

Еж шуршал... Шелушили шишки
белки прямо над головой...
И зачем мне плюшевый мишка:
был медведь у меня живой!

Срезы пней — мои первые книги...
Целый день оттирала я
губы, черные от черники,
голубым рукавом ручья...

* * *

Какие тихие часы!
В лесу прохладно от росы,

и паутина над тропинкой
висит сверкающей новинкой.

Ромашки, белые, как блюда,
качаясь на ветру, не бьются...

Кто здесь, рассеянный, на стол
накрыл и в гости сам ушел?

И полотенцем на суку
висит забытое: «Ку-ку»!

Сижу, макаю хлеб в ручей...
Как жаль, что этот дом — ничей!

* * *

Степь кругом — ни конца и ни края,
так просторно, что жаль уходить,
и кузнечик на скрипке играет
для того, чтобы нам угодить.

Я, конечно, уйду понемногу —
от тебя, от всего, что люблю...
Но запомню я эту дорогу
и кузнечнику розы пришлю.

При закатном косом освещенье
напишу ему несколько строк:
«О, примите мое восхищенье,
Вы, маэстро, играли как бог!»

А когда на скрипичном концерте
виртуоза услышу в Москве —
вдруг пойму, сквозь наплывы
бессмертья,
что кузнечик — в его рукаве.

И любовь, улыбаясь лукаво,
мне напомнит, как степью мы шли,
расцветали зеленые травы,
и росли облака из земли...

* * *

Нет, мне нужна не жила золотая,
а жилка вдохновенья. Мастерства...
Гранить хрусталь — и видеть, как он тает.
Дым, уловимый в воздухе едва.

Взять камень, грубый, словно наши души,
пока мы любим лишь самих себя,—
и глухоту веков резцом разрушить,
его во имя цельности дробя.

Нет камня под рукой — найти корягу,
ее корявость в чудо претворить;
потрогать снег нетронутый — бумагу,
пером — свою тропинку проторить.

Строгать — и знать: смолою пахнет
счастье.
Взять подмастерьем соловья — и петь...
Мир создан был без моего участия,
и я не в силах этого стерпеть!

* * *

Не двигаясь в дорогу никуда:
жаль дорогого с детских лет порога!
Но движется зато сама дорога...
Вы это тоже замечали? Да?

Дорога — изумрудная река:
бегут, как волны, вязы, липы, клены,
и облакам на белые бока
ложится отсвет лиственно-зеленый...

Проснусь и чувствую, как дом слегка
качается, плывя за облаками,
и облака я трогаю руками
и на себя гляжу издали...

Автобус быстро мчится по Ленинскому проспекту. Вот и остановка. Выставочный переулок, ныне улица Петровского. Вхожу в подъезд большого современного дома, останавливаюсь у лифта, чтобы преодолеть волнение... Минута — и я перед квартирой Милицы Васильевны Нечкиной.

Какая она теперь? Ведь прошло столько лет с тех пор, как посчастливилось слушать ее лекции в Московском университете. Уже в то время она была профессором, доктором исторических наук, автором крупных исследований по истории России.

Тогда в аудитории мы, начинающие студенты, вслушивались в каждое ее слово, старались запомнить каждую высказанную ею мысль. Милица Васильевна вдохновенно рассказывала о декабристах, Грибоедове, его комедии «Горе от ума».

Какая она сейчас? Прославленный академик, ученый, имя которого знает весь мир?.. Звоню. Дверь открывает пожилая женщина среднего роста. Доброе лицо с вдумчивым выражением ясных глаз. Улыбается, приветливо приглашает войти. Я попадаю в рабочий кабинет Милицы Васильевны Нечкиной. Хозяйка усаживает на диван и сама садится рядом. Это определяет стиль беседы — легкий и непринужденный. Постепенно успокаиваюсь...

Удивительно доброжелательно и мягко начинает свой рассказ Милица Васильевна. Говорит тихо, медленно, тщательно отбирая слова, но так, что увлекает, заражает собеседника своими мыслями. Впрочем, я помню это и по университетским лекциям.

Милица Васильевна Нечкина — человек необычайной эрудиции. Мне рассказывали о том, с каким блеском защищала академик М. В. Нечкина честь советской исторической науки на одном из международных конгрессов, в известном Парижском зале, где вручают премии Гонкуров. Свой доклад она произнесла на французском языке.

Спрашиваю Милицу Васильевну, где она получила образование.

— В Казанском университете. Попастъ туда до революции было нелегко. Ведь женщин в то время в высшие учебные заведения не принимали. Подготовка женской гимназии считалась недостаточной, поэтому мне пришлось сдавать экзамены за более полный курс мужской гимназии...

Уж очень мне хотелось учиться серьезно! Я еще в детстве часто повторяла, — смеется Милица Васильевна, — что «хочу стать профессором и открыть законы движения истории».

Прошло время. Милица Васильевна Нечкина стала основоположником советской историографии, науки об исторической науке.

Десятки лет посвятила она кропотливым исследованиям, поиску. Именно ею созданы фундаментальные работы, посвященные движению декабристов. Ей удалось установить связи А. С. Грибоедова с декабристами.

...Рассказывая мне о своей работе, Милица Васильевна припомнила один любопытный случай. Изучала она в то время известную прокламацию Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Внимательно вчитываясь в каждую строчку прокламации, пришла к выводу, что в России в годы крушения крепостного права была какая-то тайная организация. Но догадка требовала доказательства. История — наука факта. Если конспиративная организация была, должны же где-то храниться ее документы!

Милица Васильевна переворачивает горы материалов. Однажды, проходя по коридорам архива, М. В. Нечкина услышала, что

ДЕМНИК

пражская коллекция Герценовского архива получена и лежит в комнате рядом.

Стена папок, возвышающихся до потолка. Архив еще не разобран. Милица Васильевна просит разрешения ознакомиться с архивом. Вытягивает наугад первую попавшуюся папку. Раскрывает... В папке написанные рукой Н. П. Огарева пять конспиративных документов. И все относятся к организации тайного революционного общества. Того самого, о котором она догадывалась!

Сама Милица Васильевна считает, что это удача, просто подарок судьбы. А меня в ее рассказе восхищает интуиция ученого, которая непременно стоит рядом с упорством исследователя.

У Милицы Васильевны Нечкиной несколько сот научных работ. Но меня особенно интересуют труды исследовательницы, стоящие на стыке истории и литературоведения: «Пушкин и декабристы» и книга, за которую Милица Васильевна была удостоена Государственной премии, «А. С. Грибоедов и декабристы». В этой книге, проследившая «личные, идейные, общественные связи писателя с самым передовым движением его времени...», М. В. Нечкина неоспоримо доказывает, что весь комплекс идей комедии Грибоедова «Горе от ума» теснейшим образом связан с теми идеями, что породили движение декабристов.

— Художественная литература в своем развитии — живой элемент исторического процесса, — замечает Милица Васильевна. — Функция художественного образа в истории всегда меня интересовала. Исторический процесс без нее неполон. Я даже написала об этом небольшую работу, которую думаю в дальнейшем расширить.

Я спросила Милицу Васильевну, чем она занята сейчас.

— Продолжаю работу над историей декабристов. Это родная для меня тема, и я с ней никогда не расстанусь.

— Однако приверженность к декабристам вы сочетаете с интересом к истории более поздних десятилетий прошлого века — шестидесятых годов. Как объединяются два таких огромных пласта исторических исследований?

— Совершенно органично. Напомню, что В. И. Ленин, создавший периодизацию революционного движения в России, писал в своей работе «Памяти Герцена»: «Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли».

Обращаясь к революционному движению второго — разночинского — периода, мы исследуем следующий за декабристами этап движения, указанный в ленинской периодизации. Как видите, обе темы тесно связаны.

В группе ученых, специально созданной для этого в Академии наук СССР, мы и изучаем революционную ситуацию 1859—1861 годов. Наша группа выпустила пять томов своих работ. Готовим сейчас новую коллективную монографию. Многие вопросы встают по-новому, например, реформы

60-х годов XIX века. Очень интересен вопрос о массовом движении в это время, о кризисе правительственной политики, о революционной борьбе.

— Как вы относитесь к работам историков прошлого?

— Со вниманием. Их надо знать и изучать. Надо уяснить причины возникновения их идеалистических взглядов, развития их концепций. Без этого непонятна история исторической науки. Я много лет изучаю В. О. Ключевского, одного из крупнейших буржуазных историков России. Недавно закончила о нем большую монографию, она скоро выйдет из печати.

— Вы долгое время читали лекции, не мешает ли это чисто научной деятельности?

— Работа лектора и педагога — стихия жизни! Лекционную работу я вела с юных лет. Первые мои лекционные курсы были посвящены, как это, может быть, ни странно, истории искусства эпохи Возрождения и социологии искусства (был такой курс в Казанском художественном институте). Потом пришли годы преподавания на рабфаке, а затем лекционные курсы на историческом факультете Московского университета. Много лекций я читала в армии во время войны. Но для педагога высшей школы лекции — далеко не все, очень важны семинары, во время которых студенчество учится работать над источниками и приобретает к исследовательскому труду. И сверх всего работа педагога — это просто общение с учащимися, обмен мнениями, споры, формирование мировоззрения... Лекционная работа приносит большое удовлетворение, радость.

— Как вы оцениваете роль женщины в истории?

— Она очень велика. И должна становиться все значительнее. Ведь чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем большее число людей в этих исторических действиях участвует. Тем быстрее идет вперед история, чем шире и полнее народ, массы трудовых людей участвуют в этом движении. Ленин назвал этот закон убыстрения мирового исторического процесса одним из самых важных и вместе с тем одним из самых простых и понятных законов развития человечества.

А ведь женщины — половина человечества! И если раньше круг их действия чаще всего был узок и тесен, ограничивался рамками семьи и дома, то теперь они вышли на широкий простор, им доступны все формы исторической деятельности. Женщина на равных правах с мужчиной становится творцом истории. Это зависит не от чьей-то доброты — нет, таков закон истории, требующий, чтобы все трудовое человечество, а не только его половина, принимало участие в историческом творчестве, двигало историю вперед. Уж очень много стало дела на земле, мужчинам одним не управиться. Именно с этой — с исторической стороны — и надо, на мой взгляд, подходить к вопросу.

— Какую работу в своей жизни вы считаете самой трудной?

Милица Васильевна Нечкина.

— Ответ, может быть, удивит вас, но самой трудной для меня была работа над учебниками для 7-го и 8-го классов средней школы. Нет дела труднее, чем работа над учебниками! Это относится и к работе над вузовским учебником по истории России XIX века. Ведь дело же не в том, чтобы точно и сжато изложить главные факты и выводы. Это сравнительно просто. Дело в том, чтобы увлечь историей молодого читателя, пробудить в нем сознание, творческое восприятие, воспитать в нем любовь к Родине, ответственность перед ней. Все это очень трудно. Учебник должен беседовать с учеником. Должен учить его учиться. Должен воспитать желание учиться. Вот, с моей точки зрения, главный ключ педагогики.

— Каковы ваши интересы вне науки? Любите ли вы театр, музыку, стихи?

— Музыку я очень люблю. В детстве меня учили музыке. Потом революция, голодные годы. Было не до этого. Что касается стихов, то и эта область художественного творчества мне близка. Я сама писала стихи. Часто посещала концерты, спектакли. Люблю старый МХАТ с его непревзойденным ансамблем мастеров. Из современных театров мне нравится «Современник» и Театр на Таганке.

В своей статье об академике Нечкиной крупный советский историк Л. В. Черепнин писал, что «возраст ученого определяет не число прожитых лет, а то ценное, что он внес в науку и что наука вправе от него ждать». Милица Васильевна обогатила историческую науку большими ценностями, нет никакого сомнения в том, что она их еще и еще умножит».

Пора уходить. А не хочется. Так увлекательна беседа, так интересно даже прикосновение к тайнам истории, в которую необыкновенно умело вводит собеседница Милица Васильевна. Может быть, посчастливится еще раз встретиться. Я тоже верю в удачу!

М. ЗАРЕЦКАЯ

В доме Мартироса Сергеевича Сарьяна я обратила внимание на одну из картин: молодая колхозница с натруженными руками, тяжело лежащими на коленях, некрасивое лицо, накаленное солнцем до красноты бронзы. Портрет этой женщины мне показался не лучшей из работ художника, и удивило, почему он висит в комнате, где Сарьян обычно отдыхает.

— Этот портрет? Я писал его в виноградниках на склонах Арагаца. Колхозница, звеньевая, сидела после работы. Руки усталые, но крепкие. И вся она крепкая, могучая, как воплощение матери-природы. Некрасива? Можно ли говорить об этих горах, изрытых впадинами, что они некрасивы, или об этом небе — видите, тучи лохматые, темные несутся, обгоняя друг друга, или об этой дороге с проезженными колеями и чертополохом по обочине?..

Я поняла: портрет был дорог Сарьяну не потому, что казался особо удавшимся. Ему дороги были мысли и чувства, которые пришли к нему тогда, во время работы.

Разговор с Сарьяном, мысли его вспомнились мне на выставке, посвященной двадцатипятилетию образования Академии художеств СССР, когда я останавливалась пе-

ред полотнами, запечатлевшими образ женщины-труженицы, нашей современницы. Разумеется, на выставке были представлены полотна не только этого плана, этой темы. В огромном Центральном выставочном зале разместились более двух тысяч лучших живописных, скульптурных и графических произведений наших академиков. Но вот что удивительно: как-то естественно, непреднамеренно (сначала, а потом уж преднамеренно) выделились из всех работ те, что были созданы во имя женщины, посвящены ей. Особой ли силой лирического звучания, которая заставляла вглядываться и открывать их как бы заново, проникновенной ли обобщенностью...

В конце 20-х годов на одной из выставок зрители впервые увидели «Крестьянку» Веры Мухиной. Вы помните эту скульптуру — осанистая, крепко сбитая женщина, скрестившая на могучей груди мускулистые, натруженные руки.

что в «Обороне Петрограда» шеренга бойцов — та, что в центре картины, — это женщины в кожаных тужурках, перепоясанные толстыми ремнями, с тяжелыми винтовками за спиной, — работницы заводов и фабрик, направляющиеся на фронт вместе с мужчинами. И «На стройке будущих цехов» он писал женщин. Они двигали вагонетки, спускались с парашютами, садились за руль трактора... Но дошла очередь и до лирики... Страна крепла, набиралась сил, возникло ощущение мира. А мир — это женщина, баюкающая ребенка. Так испокон веков люди представляли себе мирную жизнь.

С наслаждением пишет Дейнека физкультурниц, его вдохновляет энергия и красота молодого, здорового тела: «Купающиеся девушки», «Утро. Зарядка», «Игра в мяч»...

И Дейнека и многие другие художники, пытавшиеся своим творчеством выразить самую поступь, самый шаг истории, внимательно вглядывались в лица своих современ-

ДО ВЫСОТЫ МОНУМЕНТА

■ С. ГЕРАСИМОВ
МАТЬ ПАРТИЗАНА (фрагмент)

Советское искусство делало тогда свои первые шаги, и работа Мухиной была одной из первых его побед. Изображение женщины из народа выросло до размеров национального обобщения. Да, что-то символическое было в этой крестьянке: она напоминала «мать сыру-землю» из русских былин, и в то же время в ней была сила и энергия свободного человека, хозяйки новой жизни. Через несколько лет Мухина создает знаменитую группу «Рабочий и колхозница», вознесшую над советским павильоном на Парижской выставке 1937 года. «Эти два молодых гиганта, неудержимо стремящиеся вперед, дерзко провозглашают появление нового мира, сильного своей попыткой и страстной верой» — так писали о работе советского скульптора во французской прессе. Изваянные из необычного материала — нержавеющей стали, — мухинские гиганты стали вестниками нового мира, эмблемой и символом нашей страны.

...«Мать» Александра Дейнеки. Вполоборота со спины обнаженный торс женщины, прижимающей к себе ребенка. Мягкие, нежные переходы тонов, ласкающие взгляд, сила и упругость объемов, создающие впечатление, что перед нами не картина, а колоссальных размеров фреска.

Во время одной из встреч с Дейнекой разговор зашел о той поре его творчества, к которой относится «Мать», — к началу 30-х годов.

— Была молодость, и мысли были молодые, чистые, порывистые. Знаете, поутру, когда выйдешь из холодной реки, бывает такое ощущение. Хочется куда-то бежать, сбросить запас мышечной энергии, растрчивать ее большими пригоршнями, со смехом и задором смотреть на жизнь, слушать ее, ломать, поднимать и строить... Это была молодость — наша и молодость страны...

Я спросила, как объяснить, что после «Обороны Петрограда», «На стройке будущих цехов» и других работ, посвященных героическим деяниям народа, он пишет вещи, лирические по своему звучанию, где основной фигурой становится женщина.

Дейнека меня поправил. Он напомнил,

менниц. И, естественно, не могли не отметить, как изменилась роль женщины в обществе, как изменился ее внешний и внутренний облик. Во многом благодаря живописи, обладающей правом исторического документа, мы так хорошо и представляем сегодня, как выглядела женщина в годы революции, в двадцатые, тридцатые годы.

«Рабфак идет» Иогансона. Страна училась и строила, через рабочие факультеты проходили сотни тысяч девушек и женщин.

У Ряжского, кроме знаменитой «Председательницы», есть еще одна картина, «Письмо». Она известна лишь немногим поклонникам искусства этого незаурядного мастера. Девушка, читающая письмо. Художник не задавался целью дать глубокую психологическую характеристику девушки, раскрыть ее характер, рассказать о ее переживаниях, он воссоздал типический облик работницы, какой она была в конце тридцатых годов, накануне войны.

И удивительно, что не только у меня, у многих, видевших эту картину, возникла одна и та же ассоциация: «Катюша». Да, та самая Катюша из песни, ставшей одной из самых популярных во время войны: «Выходила на берег Катюша...»

Картины, написанные в горячую годину войны... Как часто возникал в них мужественный, страдающий, гневный лик русской женщины! В самые первые дни войны на стенах домов, в цехах фабрик и заводов появился плакат И. Тондзе «Родина-мать зовет». Простыми, скупыми средствами пользовался художник, изображая страстное лицо женщины, ее призывный жест. Глядя на этот плакат теперь, мы думаем об искусстве, которое стояло в боевом строю, об искусстве, которое сражалось. Самое интересное, что плакат этот продолжает свою боевую жизнь и сейчас. Пожалуй, нет ни одного кинофильма о первых днях войны, ни одного спектакля, где в качестве яркой приметы времени не появился бы плакат Тондзе. Я видела на любительской сцене: никаких декораций, голый задник, а на нем — «Родина-мать зовет». И этого уже достаточно, чтобы возникла тревожная и суровая атмосфера военных лет.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

■ **Б. ИОГАНСОН.** РАБФАК ИДЕТ (фрагмент).

■ **Г. РЯЖСКИЙ.** ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦА (фрагмент).

■ **П. КОТОВ.** ПОРТРЕТ ЭЛЕКТРОСВАРЩИЦЫ ЗАВОДА «КРАСНОЕ СОРМОВО» Е. К. МИХЕЕВОЙ.

■ Ю. КУГАЧ. ХОЗЯЙКА.

■ Е. БЕЛАШОВА. ДОЧКА.

■ И. КЛЫЧЕВ. КОВРОВЩИЦЫ.

В 1943 году была написана картина С. Герасимова «Мать партизана». Пожилая крестьянка стоит перед карателями. Не дрогнет ее лицо, не вырвется стона и жалобы из ее груди. Очень верно схвачена художником поза женщины — она готовится умереть с тем спокойным достоинством, с которым умеют умирать крестьянки, матери, отдавшие все свои силы земле и детям своим. Поэтому после войны на месте боевых сражений и там, где зверски загублены были тысячи человеческих жизней, поднялись из земли изваянные из камня женщины-монументы.

Памятник жертвам фашизма в Пирчюписе Г. Иокубониса. Шестиметровая гранитная фигура матери, застывшей в скорбном молчании. Не шелхнутся строгие вертикальные складки ее одежды. Повисли руки. Глубоко западали глаза. Такое сильное впечатление производит эта скульптура, что не надо уже никаких слов, никаких пояснений.

На склонах Мамаева кургана в Волгограде мемориальный ансамбль, созданный группой скульпторов и художников под руководством Вучетича. Его завершает гигантская пятидесятиметровая фигура женщины с обнаженным мечом в руке — символ победы, символ великих свершений народа.

В «Новой Москве» Юрия Пименова мы оказываемся воображаемыми пассажирами женщины, сидящей за рулем легковой машины. Вместе с ней мы как бы включаемся в бурлящий уличный поток Москвы 1937 года. Мы не видим лица нашего шофера, светится лишь золотистая копна волос, схваченных гребнем, голубеет легкое летнее платье, и свободно, несуетливо лежат на руле руки. Мы не видим лица женщины, но такое ощущение, что мы хорошо знаем ее и, если напрячь память, вспомним и ее черты и манеру смеяться. Вспомним всю ее жизнь. Создается эта иллюзия мастерством Юрия Пименова, художника, который всегда умел одним штрихом, едва заметным намеком сказать о многом.

В сущности, это даже не иллюзия. Действительно, мы знаем о пименовской героине главное — она человек, причастный к шумной, многоясной толпе, связанный тесными узами с жизнью города, с жизнью страны.

Прошли годы. Выросли новые города, новые кварталы. Вот по трубам, перегорожившим еще не достроенные улицы, балансируя руками, как гимнастки на снаряде, идут в новых платьях модницы начала 60-х годов (Ю. Пименов. «Новые кварталы»). На минуту оторвавшись от работы, сняла свою маску электросварщица. И каким же умом, каким сознанием гордой силы блеснули ее глаза (П. Котов. «Портрет электросварщицы»)! В Туркмении юные ковровщицы, совсем молоденькие и очень современные девушки, приобщаются к прекрасному ремеслу (И. Клычев. «Ковровщицы»).

«Чувство современности — это талант и восхищение, наблюдательность и воспитание. Это чувство имитировать нельзя. Время не терпит в художнике лукавства и фальши, оно требует настоящей, глубокой любви», — так говорит Ю. Пименов, художник, самозабвенно преданный своему времени и своим современникам. К нему присоединяется И. Клычев: «Живописец должен не просто любить своих героев, он должен ощутить сегодня, сейчас свою причастность к ним, понять, что связан с ними неразрывно».

Художник должен возвращать народу все лучшее, рожденное им, — так думают все подлинники мастера советской живописи.

Л. ФЕДОРОВА

ПОЛИЭТИЛЕНОВОЕ ЧУДО

Л. ЛЕГОНЬКОВА

Побывав в каком-нибудь городе, прежде всего невольно отмечаешь то, что отличает его от других городов. В Гурьеве — это мост через реку Урал в самом центре города. На мосту указатель: один берег — Европа, другой — Азия. Мост соединяет два континента. Правда, пшеничные волосы да голубые глаза северян так же, как и обожженные ветрами степей скуластые лица казахов, одинаково часто видишь и на том и на другом берегу. Не зря в шуточной лирической песне местного поэта есть такие слова:

Ну и что тут за оказия,
Зачастил парнишка в Азию,
К своей милой из Европы
Проложил пути и тропы.

А еще Гурьев мне будет помниться причудливыми переплетениями трубопроводов и устремленными в небо, как космические корабли, башнями химических колонн двух заводов — нефтеперерабатывающего имени Ленина и химического. Этот химический, хотя ему чуть более десяти лет, уже известен на всю страну: здесь выпускают знаменитый полиэтилен.

* * *

Трудно назвать хотя бы одну отрасль народного хозяйства, где бы не применялся полиэтилен. В нем удачно сочетаются прочность и стойкость в самых разных обстоятельствах: и на морозе, и при воздействии химических веществ, и при радиоактивных излучениях. Поэтому-то полиэтилен совершенно незаменим в электротехнике, в машиностроении, в пищевой, фармацевтической промышленности, в производстве высокопрочного искусственного волокна, кожи, в строительной технике, сельском хозяйстве. К тому же полиэтилен не ядовит, его применяют в медицине: в хирургии для пластических операций, для изготовления медицинских шлангов и многих других изделий, которые требуют стерилизации.

А тара из полиэтилена? Трудно даже перечислить все, что можно из него сделать: тонкие пленки и листы, ленты и трубы, цистерны, бочки, контейнеры, ведра. Они очень легки, не боятся удара и сжатия, хорошо моются, не ржавеют. Если напомнить, что ежегодно ржавчина уносит 10 процентов металла, то нетруд-

но представить выгоду замены металлической тары полиэтиленовой. В ней можно транспортировать даже агрессивные жидкости: концентрированные кислоты и щелочи.

В кабельной промышленности, где полиэтилен используется для защиты жил кабеля от влаги, одна тонна полиэтилена заменяет три тонны свинца, а производство его во много раз дешевле.

Баллоны из полиэтиленовой пленки используются для изучения космической радиации на больших высотах.

А уж кому не известны полиэтиленовые мешочки, кто теперь не знает, как они нужны в хозяйстве! По всей стране продукты фасуют в такие мешочки — удобно, гигиенично, легко...

Читатели просили нас рассказать в журнале, как он создается, этот чудо-полиэтилен. И вот я в Гурьеве, на химическом заводе имени 50-летия Октябрьской революции.

Показывая свой завод, заместитель главного инженера Клавдия Михайловна Гриднева вся преобразается. Чувствуется — очень хочется ей приобщить приезжего человека к своему страстному увлечению, к своей любимой работе.

— Начинаемся мы, можно сказать, с наших соседей, нефтепереработчиков. Их газ — это наше сырье. Мы связаны, как... два берега Урала тем самым мостом. — И Клавдия Михайловна залившись смеется. Она вообще и здесь, на заводе, какая-то очень домашняя. Но я слышала, как разом стихал на оперативном совещании возбужденный гул мужских голосов, когда вдруг раздавался тихий голос Гридневой. Все лица обращены к ней. «Хорошо. Есть. Будет сделано, Клавдия Михайловна».

— Трудно ли? Мне кажется, если бы было всегда легко, — продолжает Гриднева, — я не любила бы так свой завод. Дети? Они уже большие. В десятый перешли. Дочь и сын, близнецы. — И вдруг глаза ее стали чуть-чуть грустными. — Я им говорю: не растите больше, останьтесь такими, как сейчас. Так не хочется отпускать их от себя... А Галка моя: слышать, говорит, не могу о твоём бутан-пропане, ты из-за него ночей не спишь. Иногда и ночью просыпаешься от телефонных звонков. Процесс у нас непрерывный, если где-то что-то нарушается, ошибка повлечет за собой лавину отклонений. Решение нужно принимать сразу.

Производство полиэтилена начинается с того, что из невероятно сложной газовой смеси, поступающей от нефтепереработчиков, так называемого крекинга-газа, выделяют тот самый пропан-бутан, о котором Галя Гриднева и слышать не хочет.

— Видите огромные колонны? — показывает Клавдия Михайловна. — Это абсорберы. В них отделяется нужный нам газ от множества вредных примесей. Если от них не избавиться, ваши полиэтиленовые флаги и кувшины будут не белые, а желтые да еще начнут коробиться. Потом пропан-бутан нужно превратить в самый главный газ — этилен. Происходит это в пиролизных печах.

Печи как печи, огромные, черные. Стоят прямо на улице. Со свистом и грохотом бушует в них огонь. Я вижу раскаленный зев печи, яростные, белые, голубые, желтые всполохи. И жрицу этого огня. «Такая большая женщина», — сказали мне про Жумазию Сартаевну Сулегалеву, когда я разыскивала ее. Она действительно крупная, спокойно-уверенная, с удлинненными агатовыми глазами под тяжеловатыми веками и удивительно тонкими, изящными кистями рук.

Жумазия Сартаевна ведет меня на свой капитанский мостик, в аппаратную, где мигают на пульте зеленые и желтые лампочки, тихо стрекочут приборы, записывающие температуру, давление, время. Она увлеченно рассказывает о том, что происходит в печах, о своей работе.

— Конечно, не могу я вам дать потрогать то, что выходит из печей. Ведь этилен — газ. Но чудо-газ! Нам технологи рассказывали: если незрелые фрукты и овощи обработать этиленом, они созреют прямо на складе и не потеряют при этом ни вкуса, ни аромата, ни питательных свойств... Вот этот удивительный газ — основа полиэтилена. Я люблю читать о том, как все шире и шире находят применение наш полиэтилен. Недавно я узнала, что из полиэтиленовой пленки, на которую нанесен тонкий слой

алюминия, стали делать солнцезащитные шторы. Когда человек находится в комнате, пленка ему кажется прозрачной. Зато температура в помещении на 5—7 градусов ниже, чем на улице. В летний зной, как у нас, это будет прямо спасение!

Жумазия Сулегалеева — аппаратчик высокого класса. Ударник коммунистического труда, победитель соревнования на звание «Лучший по профессии», награждена орденом «Знак Почета». Три созыва избиралась депутатом городского Совета. У нее четверо детей...

— Когда же вы все успеваете?

— Нужно — вот и успеваю. Дети большие. Дочь медучилище окончила. Сын в техникуме учится, механиком будет. Если я не буду успевать, кто же их научит успеть сделать в жизни много хорошего? И муж, конечно, помогает. Мы все помогаем друг другу. — Жумазия медленно и тихо рассказывает о своей юности: — Я ведь педучилище кончала. Учила в аулах детей. Потом переехали в город. В тридцать лет пошла снова учиться — в техническое училище. Учиться химии. Уже одиннадцать лет на заводе.

Я хожу по цехам завода, как по вековому лесу: подножия колонн, словно основания гигантских деревьев. Конечно, я не вижу, что происходит в громадных колоннах, в этих бесчисленных трубопроводах, которые тянутся по всему заводу, сплетаются в узлы, расходятся, как дороги в степи, опять сбегаются к блестящим аппаратам. Только по ровному, мощному гулу и заметной вибрации воздуха от нагретых аппаратов понимаешь, что внутри совершаются превращения.

Зато до мельчайших подробностей знает, что происходит в аппаратах, Вера Сысуненкова — старший аппаратчик в отделении газоразделения. Кажется, что именно здесь напряженный ритм производства достигает максимума.

Вера перед окончанием смены особенно собранна и немногословна. Но вот

смена сдана, и передо мной Вера, такая живая, такая яркая: пунцовые губы, полыхающие щеки, непокорные завитки волос, ослепительная улыбка. Мне говорили, что нет такого события на заводе, в котором Вера не принимала бы самого горячего участия. Человек фантастической энергии.

— Случилось что с приборами, наладчика пока дожدهмся! Он один на несколько цехов. Вот и пришлось овладеть второй профессией — слесаря по контрольно-измерительным приборам, — рассказывает Вера. — Знаете, с чем мне хочется сравнить то, что происходит в наших аппаратах и колоннах? С тем, как строится кирпичный дом.

Каждая молекула газа этилена — это отдельный кирпичик. Из кирпичей можно построить здание. Но чтобы кирпичи не рассыпались, надо их скрепить раствором. А у нас, химиков, такой раствор — химическая связь. Если газ этилен сжать от 2,5 до 4 атмосфер при 70 градусах, его молекулы сблизятся настолько, что смогут как бы взяться за руки — образовать химическую связь.

Тут-то и происходит превращение бесцветного газа в белый твердый порошок — полиэтилен. В одной молекуле полиэтилена от 50 тысяч до 350 тысяч кирпичей — молекул этилена. Хотите на полиэтилен посмотреть, пока он не превратился еще ни в мешочки, ни в спортивные обручи? Пойдемте в цех гранулирования.

Чтобы удобнее было перевозить полиэтилен, порошок превращают в гранулы. Цех гранулирования, пожалуй, самый шумный на заводе: грохочут вибрационные сита. А на них подсакивают в воде гранулы полиэтилена, похожие на ледяные градины. Здесь порошок полиэтилена засыпается в специальные машины — грануляторы, размягчается при нагревании и продавливается сквозь отверстия, как фарш в мясорубке. На пути длинных белых полиэтиленовых макарон быстро вращается нож и режет макароны на гранулы. Чтобы гранулы не слипались, их охлаждают водой. Потом сушат. И вот они упаковываются в мешки и отправляются во все концы страны, более чем в 60 городов и областей. Из гранул можно делать что угодно. Их можно расплавить, а потом в специальных прессах получить изделие любой формы.

Недавно в украинском колхозе я видала, как делают и тут же прямо в поле прокладывают трубы из полиэтилена. Возить готовые трубы через всю страну невыгодно. Поэтому по полю следом за канавокопателем, который роет траншею, движется автомобиль со специальной машиной на борту. В эту машину из мешков засыпают гранулированный полиэтилен, он расплавляется — и выдавливается через кольцеобразное отверстие. За машиной, которая медленно идет вперед, тянется хвост длинной трубы, ее тут же укладывают в траншею.

Соединять такие трубы просто — стоит лишь подогреть паяльной лампой концы стыков, и они оплавляются и соединяются накрепко. Водопровод для орошения готов. Удобно, быстро? Просто? Да, конечно. Но за этим, как и за любым другим полиэтиленовым чудом, я вижу теперь горячее небо Гурьева, вижу влюбленных в свое дело Клавдию Михайловну Гридневу, вижу Жумазию Сулегалеву, Веру Сысуненкову, кладущих кирпичик к кирпичику в чудесный материал — полиэтилен.

ИНЕССА АРМАНД

К 100-летию со дня рождения

...Поезд стоит на пограничной станции. Инесса с детьми возвращается из Швейцарии. На ней шляпа с широкими полями — последняя парижская мода, — что-то вроде цветочной клумбы. Широкая, тоже сверхмадная накидка прикрывает плечи и спину. На руках совсем еще крохотный сын Андрюша. Рядом чинно шествуют четверо остальных — по росту. Дети чистенькие, ухоженные. Таможенная охрана почти не смотрит чемоданы: белье, платья, игрушки. Все в порядке: «Пожалуйста, мадам, проходите!»

Кто бы подумал, что эта богатая, нарядная дама, мать пятых детей, — революционерка? Модная накидка прикрывает укрепленные специальными ляжками на спине пакеты с газетами, брошюрами, запрещенными в царской России. И в чемоданах с двойным дном — нелегальная большевистская литература.

...Февральская ночь 1905 года в московской квартире Инессы Арманд. Тишина. И вдруг яркий свет, шум. По комнате стучат сапогами жандармы, роются в шкафах, выбрасывают одежду, книги, взламывают пол. Дети поднялись с кровати молча: Саша и Федя насупились. Старшая, Инна, кинулась к малышам: Варе только четыре года, Андрюша и вовсе двухлетний. Не плакал никто. Все смотрели серьезно, в упор, на жандармов. Инесса одобрительно, ласково им улыбалась: молодцы, умники. Держитесь так и дальше. Сама она выглядела спокойной. А ведь сейчас круто ломается вся жизнь. Уже отобраны улики: револьвер, книги, письма. Сейчас прикажут уйти, быть может, на долгие годы от этих родных головок, от товарищей, от революции...

Дочь парижских артистов, жена богатого русского фабриканта, блестящего ума и образования женщина, она в 29 лет приходит в партию Ленина. Марксистская научная теория объяснила ей сложность мира, открыла закономерности исторического развития. Инесса все оставила ради тернистого пути в революцию, ради дела партии большевиков, которой она была верна до конца.

Арест. Ссылка. Инесса бежит оттуда. В последовавшей затем эмиграции Арманд решает укрепить и расширить свои знания. Помногу и регулярно занимается в университетах социологией, экономикой, философией. Теоретическую работу в это время она сочетает с активным участием в социалистическом движении.

В. И. Ленин — с ним она познакомилась в 1909 году — по достоинству оценил не только ее глубокие и разносторонние знания, владение языками, но прежде всего ясное понимание цели, волевой характер.

Летом 1911 года Владимир Ильич поручает Арманд вести практические занятия по политической экономии в созданной им партийной школе в Лонжюмо — маленькой деревушке недалеко от Парижа. Учеников присылали сюда рабочие центры России. Позже будущие документы царской охраны, где будет сказано, что в Лонжюмо приехали «...некие грузин Серго, рабочий Семен, женщина Инесса, настоящие фамилии и имена пока не выяснены». Один из слушателей школы вспоминал впоследствии, что «с запасом знаний, полученных там, я работал в подполье, побеждал в Октябре и затем строил Советскую власть». В. И. Ленин прочел здесь свыше 50 лекций. Литературу, искусство вел А. В. Луначарский. Кроме политической экономии, Инесса знакомила слушателей с историей социалистического движения.

Закрылась школа. Слушатели разъехались на революционную подпольную работу. Новое поручение Ленина — поездка в 1912 году в Россию по чужому паспорту на подпольную работу. И снова арест. Ей удается бежать за границу.

В одном из писем Ленина к Инессе Арманд есть такие слова: «Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я». Что же это за дело, столь высоко оцененное гением революции?

Лидеров II Интернационала беспокоила победа большевиков над всеми оппортунистическими течениями и группами в российском рабочем движении. Якобы для обмена мнениями о возможности восстановления единства в РСДРП в июле 1914 года в Брюсселе было созвано совещание. Лидеры Интернационала — Плеханов, Каутский, Вандервельде — вынашивали план ликвидировать самостоятельную партию большевиков путем объединения ее с меньшевиками. Надо было показать и доказать подлинную ценность ленинской партии для российского и международного рабочего движения. Это мог сделать человек не только во всеоружии знаний, но спокойный и твердый. И Владимир Ильич убеждает, настаивает: «...крайне важно, чтобы хотя основной доклад (на совещании II Интернационала. — Ред.) был прочтен действительно с толком... Конечно, кроме прекрасного французского нужно понимание сути дела и такт. Кроме тебя никого нет. Посему прошу, изо всех сил прошу согласиться...» И в другом письме: «...уверен, что ты из числа тех людей, кои развертываются, крепнут, становятся сильнее и смелее, когда они одни на ответственном посту...» С ленинской оценкой исполненного Инессой поручения мы уже знакомы.

Инесса была близким другом В. И. Ленина и Н. К. Крупской. Летом 1913 года она живет в семье Ильичей в Поронине.

Когда создавалась «Работница», Инесса вошла в парижскую часть редакции журнала. В первых семи номерах были и ее статьи. Среди них: «Избирательные права женщин».

В апреле 1917 года вместе с Лениным, Крупской и другими революционерами, находившимися в эмиграции, Инесса Арманд возвращается в Россию.

Семнадцатый год почти не оставляет времени для сна. VII Всероссийская конференция РСДРП(б), взят ленинский курс на социалистическую революцию. Инесса, делегат от московских большевиков, сражается за ленинские Апрельские тезисы.

С первых дней установления Советской власти Инесса Арманд выполняет важные поручения партии. В 1918 году — она председатель Московского губернского совнархоза.

Но самым главным ее делом в эти годы была, конечно, работа среди женщин. Осенью 1918 года состоялся Первый Всероссийский съезд работниц и крестьянок. Сколько сил вложила Инесса в подготовку этого съезда, которому предшествовали две женские конференции в Москве, созданные при самом активном ее участии! Инесса делала на съезде основной доклад «Задачи работниц в Советской республике» и второй — против порабощения женщин домашним хозяйством. Программу работы Комиссии по пропаганде и агитации среди женщин при ЦК РКП(б), созданной после съезда, написала она. С лета 1919 года Арманд заведует женотделом ЦК партии. И на долгие годы запомнились всему женскому активу кипящие женотдельские комнаты на Воздвиженке.

...Инессы Арманд не стало осенью 1920 года. Ее могила на Красной площади, у Кремлевской стены. Н. К. Крупская написала несколько статей памяти своего близкого друга. Там есть и такие слова: «...Хотелось бы, чтобы образ Инессы Арманд жил в сердцах всех, кому дорого освобождение трудящихся, в сердцах партийных товарищей, в сердцах работниц и крестьянок».

А. АРЕНШТЕЙН

Посидев на дворовом крыльчке и отдохнув от стирки ровно столько, чтоб выкурить одну тоненькую папиросу, Софья Гавриловна поднялась и, охая, держась рукой за поясницу, пошла в сени посмотреть, не готова ли вода, гревшаяся в ведре на керогазе. Стирка растянулась у нее на полдня, хотя белья было с гулькин нос. Но в полные семьдесят даже этот гулькин нос был для нее малопосилен. Не то что совсем непосилен, а именно малопосилен, потому что от стояния склоненной над корытом у нее сразу начинала ныть поясница.

Она ошпарила кипятком уже постиранные раз и вновь намыленные тюлевые занавески, положила в корыто остальное белье и попробовала стирать, сидя на табуретке. Но так было совсем несподручно, и от табуретки пришлось отказаться. Когда она отставляла ее в сторону, услышала, что на парадное крыльцо кто-то поднимается. Потом задергали дверную ручку.

— Кто это дергает?—спросила через двери Софья Гавриловна.

— Можно зайти?—отозвался за дверью незнакомый мужской голос. Голос был сочный, но какой-то неуверенный.

— Идите в калитку, у меня эти двери гвоздями забитые,— сказала Софья Гавриловна, вытирая мокрые руки. И вышла на крыльчко, сбегавшее тремя ступеньками во двор, поглядеть, что за незнакомец явился, все знакомые знали, что парадный вход у них давно заколочен.

Она откинула с калитки крючок, и во двор вошел высокий мужчина в военной одежде, с голубыми погонами, на которых лежало по одной крупной звездочке. В руке он держал небольшой чемоданчик.

— Здравствуйте,— поздоровался он и спросил:— Скажите, Софья Гавриловна Конапчук здесь живет?

— Тут живет. Это я буду,— ответила Софья Гавриловна, сильно удивившись приходу военного, а главное, тому, что он назвал ее по имени. Решив, что он, видимо, к ее племяннику, сказала:— Вы, верно, до Игоря, так он сейчас в Крым поехал с женой и с мальчиком. Обещали завтра дома быть, но поезд поздно приходит, считайте, ночью.

— Нет, я к вам приехал, Софья Гавриловна,— сказал военный.— Зашел сперва в адресный стол и вот нашел вас.

— До меня?—еще больше изумилась Софья Гавриловна и настороженно спросила:— А чего вам нужно?

Военный смутился и, бросив взгляд на раскрытые сени, где у самого порога стояло на табуретке корыто с бельем, сказал:

— Может, мы в дом зайдем? Сразу как-то не объяснишь...

Такое предложение показалось Софье Гавриловне совсем уж подозрительным. И она с прежней настороженностью ответила:

— А чего нам в хату заходить? Вы тут говорите...

Он уловил тон, с каким это было сказано, и вновь смутился. Потом сказал:

— Я, Софья Гавриловна, сын Варвары Максимовны. Помните ее?

— Какой Варвары Максимовны? Я такой не знала и не знаю. Верно, вам на справке не тот адрес дали.

— Разве во время войны вы не были с моей мамой в Германии?—спросил он.— На подземном заводе возле Кенигсберга? Маму угнали туда в сорок втором году.

— Это что ж... Это вы про Варвару Николаенко говорите?—поперхнулась словами Софья Гавриловна, чувствуя, как всю ее бросает в жар.— Так вы... вы и есть ее сын?

— Я и есть Николаенко. Значит, вы помните маму?—встренулся и, похоже, обрадовался ее словам военный.

— А где ж она... где сама Варвара?—не отвечая ему, спросила Софья Гавриловна сдавленным от волнения голосом. И только теперь увидела, как похож этот военный на своего отца. И нос прямой, и брови под фуражкой белесые, и скулы отцовы, и подбородок такой же крепкий... Только губы полные, Варварины, и глаза ее — карие... А у того бесцветные были, вылинялые какие-то глаза...

— Мама умерла,—сказал военный. И с неловкостью, как прежде, стал объяснять:— Мы ведь не жили вместе. Она все время болела... Я в интернате рос, потом в Суворовском... Мама и умерла в больнице...

— Так, так... Конечно, конечно...—закивала Софья Гавриловна. Она совсем потерялась, узнав, кто перед ней стоит.

— А к вам я приехал...—начал было военный и умолк. Потом снова заговорил:— Это связано с моим отцом. После мамы осталась тетрадь, и я разобрал одну запись. В ней названа ваша фамилия... Вероятно, вы с сестрой единственные люди, знавшие моего отца. Возможно, он жив и я найду его. Тем более, что сейчас я в отпуске и мог бы...

Софья Гавриловна слышала его и не слышала. Она до того испугалась, что вовсе перестала что-либо соображать. И вдруг, не дослушав его речи, стала говорить, сама не сознавая, что говорит:

— Так это, конечно... И про отца знаю и про все... Только мне

Рисунок
Ю. ВЕЧЕРСКОГО.

сейчас некогда... Это я на секундочку домой забежала... У меня работа срочная...

Она проворно метнулась в сени, забыв про боль в пояснице, ухватила с дверного косяка замок, навесила его на двери. И таким образом, и сама она и военный с чемоданчиком очутились за калиткой, на которую Софья Гавриловна тут же накинула крючок.

— Вы в своем возрасте еще работаете?—участливо спросил ее Варварин сын.

— А как же не работать?! Да если б я не работала, меня б тоска сгрызла! А я все ж таки уборщицей в одной конторе работаю,—быстро отвечала Софья Гавриловна, хотя уже десять лет не работала уборщицей в упомянутой «одной конторе», а находилась на пенсии и жила с племянником. Няничла его сына, когда тот был маленьким, да и теперь присматривала за ним: кормила перед школой, а после школы усаживала за уроки, хотя помочь ему, четырехкласснику, с уроками при всем желании не могла.

— Ну, вам туда, а мне сюда!—неопределенно махнула она рукой, желая скорее ускользнуть от своего гостя.

— Да мне все равно куда идти,—ответил он.—Я никого здесь не знаю. Если позволите, я провожу вас.

— Не нужно, не нужно!—сказала она, уже уходя от него.— Мне еще в одно место забежать надо...

— Софья Гавриловна, а когда же к вам зайти?—спросил он вдогонку.

— Погуляйте себе, а потом приходите!.. Погуляйте и приходите... Может, я не задержусь... А может, и задержусь...—ответила она, не оборачиваясь. И быстро-быстро засеменяла по улице, совсем не думая, куда идет.

Миновав один, другой и третий дом, она оглянулась и, заме-

Лидия ВАКУЛОВСКАЯ

ТАК-ТО ОНО ЛУЧШЕ...

тив, что военный все еще стоит возле ее крыльца, пошла быстрее. Достигнув конца длинной улицы, она оказалась возле старого, давно закрытого кладбища. Это кладбище на памяти Софьи Гавриловны находилось за чертой города, теперь же его окружали новые дома и новые улицы.

Резная чугунная калитка была открыта. Софья Гавриловна вошла в нее и очутилась в спящем царстве могил, крестов и мраморных плит, придавленных угрюмой тенью могучих деревьев, буйно растущих вокруг и не пропускавших на землю ни неба, ни солнца. Здесь покоились мать, отец, муж и единственная дочь Софьи Гавриловны, умершие еще до войны.

Но сейчас она не пошла вглубь кладбища, а присела на круглый пенек срезанного недавно дерева, в десяти шагах от глиняной сторожки с оконцем, и закурила тоненькую папироску. Софья Гавриловна курила давно, еще с войны, с арбайтенлагеря, где на сигарки шло все, вплоть до сухой травы, завернутой в клочок любой бумажки. И теперь, несмотря на годы и частое недомогание, тоже курила все подряд, не разбирая ни сортов, ни марок, — курила много и страстно.

«Ах ты господи! — думала она, жадно втягивая в себя табачный дым. — Что ж теперь делать?.. Совсем домой не ходит?.. Он походит — меня нету, да и уедет себе... Или сказать ему открыто?.. Или не говорить?..»

Обрывки прошлого, рваные, как тучи под ветром, замаячили в ее памяти, выхватывавшей то одно, то другое.

Она забыла, как назывался тот городок в Пруссии, на окраине которого находился подземный завод, а наверху, меж двух крутых холмов, в отдалении от островерхих домов под красной и зеленой черепицей, протягивались обнесенные колючкой бараки, куда их пригнали с эшелона. Пригнали на целых три года... Три

года — бирка на груди со словом «ОСТ», работа под землей, свекольная похлебка и соломенный матрац на нарах... И в первые же дни она повстречала своих: Лену Киселеву и Варю Николаенко — обе из одного с ней городка на Черниговщине. Киселева была уже в летах, тоже сорок, как и Софья Гавриловна, а Варя — молоденькая, неполных восемнадцать. Остальные были кто откуда — из Киева, Одессы, Винницы, Гомеля, Херсона... Были польки, были чешки, была татарочка Белла, тихая, как мышка, девушка с испуганными глазами, постоянно налитыми слезой...

Варя тоже плакала: из дому их забрали вместе с сестрой, а дорогой разлучили, отправили по разным арбайтенлагерям. Софья Гавриловна, как умела, утешала ее.

Варя была видная и очень красивая. Возможно, поэтому ее и назначили старостой барака. Через полгода она свободно говорила с немцами на их языке, жила в отдельной комнате, и ее все звали фрау Варвара.

Через некоторое время у Варвары появился ефрейтор Курт — рослый, белобрысый немец из конвойных, с беспалой левой рукой, загубленной на Востоке. Его боялись и ненавидели за собачью лютость. Перед самым приходом наших Курта нашли мертвым в нужнике. В сердце у него торчал острый стальной прут, вынесенный не иначе, как с подземного завода... Но еще до этого Киселева спрашивала Софью Гавриловну, не знает ли она кого, кто помог бы Варваре с абортom. К немцу-врачу Варвара не смела обратиться, зная, что ни один ихний врач не станет заниматься русской, хоть она и староста. К тому же Варвара боялась огласки.

Вернулась домой Варвара с сыном. О ее приезде Софья Гавриловна сообщила все та же Киселева. Прибежала, запыхавшись, и выпалила: «Соня, фрау Варька с немецким байстрюком вернулась! Покрывалась где-то два года и сюда! Надо заявить на нее, пускай ее судят! Пойдем, Соня, заявим». «Как это — заявим? — спросила ее Софья Гавриловна. — А дите с кем останется? Смотри, Ленка, слово пикнешь — убью!»

Вот так припугнула она Киселеву, и та молчала. Умерла в прошлом году, но никому не обмолвилась. А Варвара, что ж... У Варвары все с воды началось. Выйдет с ведрами на улицу и давай их мыть под колонкой. И час моет и два, пока всю улицу не зальет. Наберет воды, унесет в дом — и опять бежит к колонке ведра мыть. Потом цыганкой решила сделаться. Натянет на себя юбку в сборках, такую, что по земле волочится, волосы распустит, брови сажой намажет, бусы на шею навешает и ходит по улицам. За ней приехали, увезли на больничной машине в Киев, а мальчика в Чернигов отправили, в интернат...

Прошел и час, и два. Софья Гавриловна сидела на свежем срезанном пне, напротив неухоженной, запавшей могилки с завалившимся набок чугунным крестом, курила папиросу за папиросой и все не могла придумать, как ей быть. Рядом, в развесистой сирени, тоненько чирикала какая-то пташка, вверху каркали галки, невидимые в гуще зеленых листьев, и громко молотил костяным носом по сухому дереву дятел.

«И зачем она меня в свое дело впутала? — не могла успокоиться Софья Гавриловна, растревоженная воспоминаниями. — Кто ее просил про меня в тетрадку писать?.. Хотела, чтоб я ему тайну открыла, как вырастет?.. Так, может, и открыть? Он человек взрослый... Это ж сколько ему?.. Да уж тридцать скоро...»

И вдруг оборвала эту свою мысль, испуганно сказав вслух: — О, господи, керогаз-то не выключила... Да там, может, уже и хата сгорела!

Подхватила с пенька и так прытко покинула кладбище, что и молодой бы не угнался. Одна ее тревога вытеснилась другой, более острой в эту минуту, потому что оставленный без присмотра керогаз мог причинить страшную беду.

Тревога ушла, как только она отворила дверь в сени: в керогазе выгорел керосин, и он сам по себе потух. У Софьи Гавриловны отлегло от души и как-то сразу по-иному представился приезд Варварина сына.

«Да что ж такого в этом? — спокойно подумала она. — Пускай приходит. Расскажу ему, что знаю, да и все тут!»

Она наскоро достирала, выйлооскала и подкрахмалила белье, не ощущая прежней ломоты в пояснице, вывесила все на солнышко, подтерла в сенях пол и, заправив керосином керогаз, поставила вариться молодую картошку, чтоб накормить Варварина сына, не сомневаясь, что он придет. И когда он действительно вошел в незапертую калитку, Софья Гавриловна, переодетая в парадное шерстяное платье, причесанная и даже окрапленная духами «Сирень», принадлежащими жене племянника, встретила его на крыльце:

— А я уж давно вернулась и ожидаю вас. Заходите в дом... Не знаю только, как вас звать-величать будет?

— Вадим Максимович. А проще Вадим, — ответил он и внимательно посмотрел на нее, отмечая, должно быть, про себя происшедшую перемену в ее одежде и в обращении с ним.

Он вытер ноги о влажную тряпку на крыльце и вошел в комнату, пропуская вперед Софью Гавриловну. Она усадила его в кресло возле полированного стола и сразу стала покрывать стол

клеенкой, сказав, что угостит его молодой картошкой со сметаной и яичницей.

— Нет, нет, не беспокойтесь,— стал отказываться он.— Я только что пообедал в вашем ресторане. Очень вкусно готовят. И городок мне понравился. Я, конечно, его не помню, и улицу, где жили, не помнил, но побывал на ней. Правда, так и не определил, где стоял наш дом.

— Да как теперь определишь, когда там сплошь деревянные дома убрали, а каменных наставили,— согласилась с ним Софья Гавриловна. И спросила, что он будет пить, раз уж от еды откажется, квас или холодное молоко.

Он попросил квасу. Пока она ходила за квасом и наливала его в стеклянный кувшин, он достал из чемоданчика и раскрыл коробку шоколадных конфет.

— Где ж вы теперь живете, Вадим Максимович?— расспрашивала она его, ставя на стол кувшин с квасом и большие чашки в красных розах.

— Живу на Севере, в Заполярье, служу, как видите, в армии,— просто отвечал он.— Летчик я, Софья Гавриловна.

— Лейтенантом или как?— спросила она, указав на звездочки на его погонах.

— Немного выше,— улыбнулся он.— Майор.

— И семья, должно быть, есть?— дознавалась она, наливая ему в чашку квасу.

— И семья есть. Жена — учительница, и дочь, в школу уже бегают.

Софья Гавриловна опустила на стул, провела костлявой, высохшей рукой по лицу (лицо у нее было тоже высохшее, переплетенное под кожей тоненькими розовыми жилками, петляющими среди крупных и мелких морщин), потом положила на стол руки, сцепив шалашиком пальцы, и смотрела, как он неторопливо пьет квас. А когда он допил и поставил чашку, тихо спросила:

— Так что ж вы, Вадим Максимович, про своего отца знать хотите?

— Все, Софья Гавриловна. Решительно все,— сказал он,— вы хорошо его знали?

— Знала, как же не знать,— вздохнула Софья Гавриловна.— И все расскажу вам. Вы только слушайте и не перебивайте меня, чтоб я чего важного не пропустила.

Она опять вздохнула и не спеша начала:

— Так вот, угнали нас в сорок втором году в Германию, завезли в Пруссии и в арбайтенлагерь засадили. Всего там хватало: и голода и холода. И собаки-овчарки нас стерегли, и колючка за бараки не выпускала. Мама ваша совсем молоденькая девчонка была. Плакала она горько, по дому убивалась, а больше всего не могла разлуки с сестрой Тamarой перенести. Выходит, тогда уже что-то такое подкашивало ей, что нет Тамаре назад дороги домой и что будет она застрелена при побеге. Но про это уже после, через несколько лет, дедушка ваш узнал, Тамарин отец. А мы, как бы там ни было, своих дождались. Когда вошли они, нас сразу на армейский паек поставили и начали к отправке по домам готовить. И главным распорядителем этого дела был при нас лейтенант Максим Нечаев. Парень он был из себя красивый, волосом русый, на гармошке хорошо играл. Он и полюбил Варю, а она его полюбила. Так мы месяца три жили, дожидаясь отправки. А когда пришел срок, стал Нечаев уговаривать Варю домой не ехать, а с ним остаться. А ей и думать долго не нужно было: за нее любовь всё решила. Да и мы ей советовали оставаться, зная, что она уже в положении была. А через сколько-то дней посадили нас, всех отъезжающих, в лодки и повезли по реке в другой город на поезд садить. Варя тогда осталась Нечаева ждать, а сам он с нами поплыл, потому что отвечал за нас. И вот мы уже с полпути проплыли, как немцы из пушки по воде застреляли. Их хотя и разбились уже, но многие еще по лесам с оружием скрывались. Гребцы наши при таком деле скорей лодки к другому берегу погнались, чтоб выскочить да в лесу спрятаться. Мы и спрятались потом, да только перед этим в одну лодку, уже под самым берегом, снаряд попал и всех наповал уложил. В ней и Максим Нечаев был. В лесу их всех и схоронили, в одной могиле. А что за река была и что за лес, так я и тогда не знала, а теперь и подавно забыла... А Варя еще долго на старом месте оставалась. Кажись, она повзрослела при их части сделалась. И ездила долго с ними, там и вы у нее родились. А года через два она с вами домой вернулась. Тогда еще дедушка ваш жил, Варин отец, Максим Спиридонович... Видите, его тоже Максимом звали, как и Нечаева... А почему так случилось, что отчество она вам отцовое дала, Максима Нечаева, значит, а фамилию свою — этого уж я вам не скажу. Может, потому что не зарегистрирована была с Нечаевым. Да кто ж тогда об этом думал? — Софья Гавриловна грустно вздохнула.

Она взяла из пачки тоненькую папироску и стала жадно прикуривать, держа дрожащей рукой спичку. Вадим Максимович молчал, и видно было, что он о чем-то напряженно думает.

— А так ли все, Софья Гавриловна?— негромко спросил он, и

в карих глазах его вспыхнуло недоверие.— Ведь мама все иначе рассказывала.

— Иначе?.. А как же иначе?— с неподдельным испугом спросила Софья Гавриловна, чувствуя, как внутри у нее все обрывается.

— Иначе, Софья Гавриловна,— повторил он.— Мне было десять лет, меня возили к маме в больницу, и я хорошо помню ее слова. В то время она иногда рассуждала еще вполне здраво. Вот тогда она и сказала мне, что отец ушел от нас и живет один. Что он действительно был военный, но не лейтенант, а ефрейтор. Он потерял на фронте руку, был ранен кинжалом в грудь.

— Да как же можно ей верить? При ее болезни!..— ужаснулась Софья Гавриловна.— У нее ж все как есть спуталось!..

Вадим Максимович долго молчал. Наконец сказал с задумчивой болью:

— Возможно, и так...— Он расстегнул воротничок кителя, давивший, видимо, шею. И снова сказал, медленно, с большими паузами:— А я надеялся, что отец жив. Думал, разыщу его... Встретимся... Особенно, когда обнаружил эту запись в старой тетради и прочел вашу фамилию.

— А что ж там записано?— все еще с опаской спросила Софья Гавриловна.

— Коротенькая запись: «Об отце моего сына знали и знают Елена и Софья Конапчук». И больше ничего. Вот это «знают» в настоящем времени и навело меня на мысль, что он жив и вы с сестрой, Еленой Гавриловной, что-нибудь да знаете сейчас о нем.

— Елена не сестра мне,— сказала Софья Гавриловна.— Это Варя Киселеву Лену упомянула. А сейчас уже и Лены Киселевой нет, тоже умерла.

Теперь вздохнул Вадим Максимович. Опять долго молчал, потом спросил:

— Софья Гавриловна, а какой мама в молодости была?

— Красивая была,— ответила она.— Глаза красивые у нее были. Как ваши... Только у вас помягчее будут.

— А отца, выходит, вы мало знали?

— Мало,— согласилась Софья Гавриловна. Но тут же добавила:— Хоть и мало, да я никогда не забуду лейтенанта Нечаева.

Все верно говорила Софья Гавриловна. Был такой лейтенант, Максим Нечаев, молодой, веселый, на гармошке играл. Взвод, которым он командовал, доставлял продукты освобожденным из арбайтенлагеря женщинам, составлял списки на отъезд, выдавал нужные справки. И погиб он точно так же: от снаряда, попавшего в лодку. Лишь не было у лейтенанта Максима Нечаева никакой любви с Варварой.

Вадим Максимович посидел еще немного, уже ни о чем не спрашивая Софью Гавриловну, а просто посидел в молчаливой задумчивости. Потом поднялся и стал прощаться.

— Спасибо, Софья Гавриловна, за добрые слова о маме и об отце моем,— сказал он ей.

— Так не за что... Что знала, то и вам рассказала,— ответила она. И, огорчившись вдруг, что он уходит, предложила:— Вы б, может, переночевали у меня? Что ж вы так наскоро зашли? У меня места в доме довольно.

— Нет, поеду я. В поезде уж и выплыву,— сказал он. И улыбнулся ей мягкой улыбкой:— А вам я письма писать буду. Вы отвечайте мне.

— Да какая ж я ответчица, Вадим Максимович? Для ответов мне грамоты не хватает,— с сожалением сказала она.

— А вы, как сумеете, пишете. Я пойму,— ответил он с улыбкой. И улыбка была у него грустная.

Она проводила его до угла улицы и вернулась к дому. Поднялась на парадное крылечко под козырьком, села на узкую боковую скамеечку, устроила на длинной скамеечке вытянутые ноги и закурила. Ноги сразу заломило в коленях, и иголками закололо в подошвах. Шутка ли: у корыта с бельем натопталась, да еще на кладбище и назад бегом сбегала!

Улица была пуста: никто не шел по ней и не ехал. Лишь рыжая собака лениво брела по самой середине дороги, помахивая хвостом.

Неожиданно из какой-то шальной тучки сыпанул густой дождик. И лил минут десять. При полном солнце с неба на землю скатывались серебряные, крупные, как горох, капли, шелестели в липе, расставшей над крышей зеленый ворох листьев. И кончился так же внезапно, как пошел.

— Так-то лучше...— вздохнув, сказала вслух Софья Гавриловна, отвечая каким-то своим мыслям.

Со стороны паровозного депо послышался дробный стук колес. Было видно вдалеке мелькание зеленых вагонов убегающего на Ленинград поезда.

«Поехал Вадим Максимович»,— с грустью подумала она. И снова сказала вслух:

— Так-то оно лучше...

Нина Павловна Петрова у Знамени части.

Кавалер орденов Славы

В военкомат Нина Павловна пришла на второй день войны. — Сколько вам лет? — спросил военком.

— Сорок восемь. Но разве это имеет значение? Я мастер спорта, снайпер. Мое место на передовой, — твердо ответила она.

Стрельба была особым увлечением Нины Павловны. Она закончила школу снайперов, получила звание инструктора первого разряда и подготовила многих мастеров-стрелков.

Ее направили в стрелковый полк, защищавший подступы к Ленинграду. Поначалу бойцы удивлялись, видя в окопе женщину в годах. Не повариха, не медсестра, не радистка, а простой солдат. К ней относились с сыновней нежностью, называли матерью. И Нина Павловна по-матерински заботилась о бойцах.

Но главное, она учила солдат мастерски стрелять. Она умела отыскивать прирожденных стрелков и разведчиков. Однажды взялась обучить молодого бойца-казаха. В момент выстрела он моргал и волновался. «Ничего, ничего, — говорила Нина Павловна, — отличным стрелком будешь. Попробуй-ка подстрелить коршуна, видишь,

летит высоко в небе?» «Что ты, мать!» — замахаля руками боец. «Стреляй!» — крикнула Петрова. И, стоя за спиной парня, сама вскинула винтовку. Оба выстрела ударили вместе. Птица упала к ногам пораженного солдата. Он поверил в себя и позже стал отличным стрелком.

...Как-то пули вражеского снайпера настигли двух наших солдат. Петрова долго его выслеживала. Фашист был хитер и осторожен. Тогда ночью с помощью саперов она построила ложный наблюдательный пункт. Вместо стереотрубы замаскировала среди ветвей два стеклышка. Выглянуло солнце, стекла блеснули, и немец потерял осмотрительность, открыл огонь. Ответная пуля заставила его навсегда замолчать.

Ее хладнокровие поражало даже бывалых солдат. Петрова без промаха била по смотровым щелям фашистских танков, подожженных к самам окопам, и останавливала их. Артиллерия довершала дело.

Прибегает как-то ординарец комбата, на глазах слезы: «Убили мать! Немцы автоматички застрочили, она руки вскинула и упала. Сам видел...» Весь полк переживал горестное известие. Но через час Петрова

пришла жива и невредима. «Военной хитрости не понимаешь, — поучала она солдата, с которым вместе ходила в разведку. — Фашисты тоже увидели, что я упала, и перестали стрелять. Все разузнала и, видишь, вернулась».

Имя ее было известно всему фронту. «Слава снайперу-старшине Петровой, — было сказано в одной из листовок с ее портретом, — кавалеру орденов Славы второй и третьей степени! Она уничтожила свыше ста гитлеровцев».

В марте 1945 года Петрову вызвали в штаб командующего ударной армией. «Воюю как все, — сказала она генералу И. И. Федюнинскому. — У меня и дочь на фронте. Внучка

растет, Ларочка». Генерал вручил ей орден Славы первой степени и часы с надписью: «Нине Павловне Петровой от командующего армией Федюнинского. 14 марта 1945 года». Прощаясь, генерал предложил ей новое обмундирование. Нина Павловна попросила новое оружие. На другой день ей вручили снайперскую винтовку с позолоченной табличкой — личный подарок генерала.

«Милая моя, родная, — писала она дочери, — устала я воевать; ведь четвертый год на фронте. Как хочется обнять вас, поцеловать свою милую внученьку. Может быть, и доживем до этого счастливого дня...»

Но дожить до встречи с близкими ей не довелось. Нина Павловна погибла в солнечный майский день, на пороге нашей Победы, пройдя от стен родного Ленинграда до Штеттина.

...Однажды в день рождения В. И. Ленина в гости к пионерам 16-й воронежской школы пришел ветеран войны, майор в отставке Г. А. Ковалев. Он рассказал ребятам об отважной женщине. Пионеры решили бороться за право носить имя героини. Они разыскали однополчан Нины Павловны, получили много интересных писем.

Прошли годы, многие ребята из отряда имени снайпера Петровой окончили школу, новое поколение пионеров пришло в отряд. И живет, вдохновляет молодые сердца имя отважной ленинградки Петровой.

А. СВЕТОВ

«Низкий поклон тебе, мать!»

Начальник политической полиции штурмбанфюрер Мульде сам вел допрос.

— С кем работаешь? Хочешь жить — отвечай.

— Никого не знаю.

Резкий удар плетью. Дусю избивают. Жестоко. Ломают пальцы. Она кричит, чтобы заглушить нестерпимую боль. Но никого не выдает. Не узнает эсэсовец имени Якова Самарского, проникшего в днепропетровскую городскую управу. У

него получала Дуся паспорта, пропуска для своих товарищей-подпольщиков. Участвовала она и в уничтожении вражеского склада с боеприпасами, в организации массового перехода на сторону партизан тех из власовцев, кого мучила совесть, кто кровью своей готов был искупить предательство Родины.

Ее расстреляли возле Запорожского шоссе и бросили в

канаву. Раненная в голову, грудь и плечо, Дуся не обнаруживала признаков жизни. Нашла и выходила ее женщина по фамилии Ефремова. Подпольщица Дуся Кулакова вернулась в строй борцов. Но не суждено ей было дожить до светлого Дня Победы. Погибла Дуся от руки предателя, полицая Мартынова.

Ее брат Володя был самым юным в подполье. Но это не мешало комсомольцу отважно выполнять задания командира. Это он обнаружил хранили-

ще, — ожидает виселица. Вы одна можете спасти ее. Нужно только назвать несколько имен.

Мать знала многих подпольщиков. Не раз дежурила возле дома, когда к ее ребятам приходили боевые друзья. Но твердо ответила: «Не знаю, о каких именах вы говорите».

Эсэсовец пообещал повесить ее рядом с дочкой и дал час на раздумье. Каким бесконечно долгим был этот час для матери! Ее посадили в камеру, били плеткой, ставили к стенке. Она молчала...

Дуся Кулакова.

ще вражеского оружия. Много винтовок, автоматов, боеприпасов попало в руки днепропетровских подпольщиков. Володя и Дуся входили в организацию, к которой принадлежало около 300 молодых людей, руководили ею коммунисты. Летели под откос вражеские поезда, горели склады, падали от метких пуль оккупанты, в городе то и дело появлялись листовки.

Володя тоже был схвачен врагами. Рассказывают, перед смертельным залпом он крикнул: «Прощай, мама!»

Есть в Днепропетровске улица имени Дуси Кулаковой. Сюда, тяжело опираясь на палку, часто приходит Елена Лаврентьевна Кулакова, чтобы «поговорить со своими детьми». Нет для матери большего горя, чем пережить своих детей. Мать хорошо понимала, какую опасную борьбу они ведут. Но она и гордилась ими. Такими хотела видеть, такими воспитала.

...После ареста Дуси мать везли в гестапо.

— Вашу дочь, — сказал эсэсо-

на столе у Елены Лаврентьевны стопка писем: «...Ваши дети всегда будут служить для нас примером беззаветной преданности социалистической Родине, примером мужества и храбрости. Военные моряки Черноморского флота».

«...Ваша дочь работала на нашем заводе. Из его огненных цехов она шагнула в неравный бой против гитлеровских мерзавцев. Она боролась, как и подобает коммунисту, и умерла с гордо поднятой головой. Мы гордимся Дусей! Низкий поклон Вам за то, что воспитали такую дочь. Рабочие Днепропетровского металлургического завода имени Петровского».

Однажды мать выступала в переполненном, затаившем дыхание зале театра имени Горького. Потом показали премьеру героической драмы «Ради тебя, товарищ!» — о днепропетровском подполье. Мать смотрела на сцену и сквозь слезы шептала: «Не умерли, дети мои... Родные...»

А. ЛЕВИТ

ЗАЩИТИ

«СЕЙЧАС, В НАЧАЛЕ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ РАЗВИТИЯ, ПРОВОЗГЛАШЕННОГО ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ, С ГРУСТЬЮ ПРИХОДИТСЯ КОНСТАТИРОВАТЬ, ЧТО НА ЗЕМНОМ ШАРЕ СТАЛО БОЛЬШЕ БОЛЬНЫХ, НЕДОЕДАЮЩИХ И ЛИШЕННЫХ НАДЛЕЖАЩЕГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ, ЧЕМ ИХ БЫЛО ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД. ЕСЛИ МЕЖДУНАРОДНОЕ СОБЩЕСТВО НЕ ВОЗЬМЕТ НА СЕБЯ ЗАДАЧУ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШИХ ДЕСЯТИ ЛЕТ ОКАЗАТЬ ИМ ШИРОКУЮ ПОДДЕРЖКУ, ЧИСЛО ДЕТЕЙ, ЛИШЕННЫХ УХОДА, УВЕЛИЧИТСЯ ЕЩЕ НА МИЛЛИОНЫ...»

Из «Доклада о детях», ООН.

По данным генерального директора Всемирной организации здравоохранения Х. Малера, в мире 11 миллионов детей страдают от острой белково-калорийной недостаточности. Еще 76 миллионов детей испытывают последствия от недоедания. Около 2 миллионов детей умирает ежегодно от физического голода.

В современном мире 43 миллиона детей работает, чтобы обеспечить себе существование, занимаясь низкооплачиваемым и вредным для здоровья трудом.

Горькие цифры, жестокие факты. Свидетельства неисчислимы бедствий, которые принес человечеству империализм, обрекая трудящихся и их детей, обрекая целые народы колониальных и зависимых стран на голод, болезни, нищету, бесправие. Горькие последствия колониализма дают еще о себе знать и в тех странах, которые недавно встали на путь самостоятельного развития.

«МЫ НЕСЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СУДЬБУ ДЕТЕЙ, И ВО ИМЯ МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ МЫ ДОЛЖНЫ ОБЪЕДИНИТЬСЯ... НЕДОСТАТОЧНО ТОЛЬКО ЛЮБИТЬ СВОИХ ДЕТЕЙ, МЫ ДОЛЖНЫ ЗАЩИТИТЬ ИХ ОТ УГРОЗЫ ВОЙНЫ, ГОЛОДА И ВСЯКОГО РОДА НАСИЛИЯ».

Из письма МДФЖ женщинам всех стран, национальным и международным женским организациям.

Нам, советским женщинам и женщинам других социалистических стран, незнакомо горькое чувство бессилия матери, не имеющей возможности накормить собственного ребенка. Мы твердо уверены, что наших детей ждет счастливое будущее. Но 1 июня, верные своему интернациональному долгу, мы присоединяем свой голос к голосам передовых людей планеты, вставших на защиту юного поколения Земли.

ЭТОТ «КЛАССОВЫЙ МИР»

Во всех капиталистических странах монополии ведут ожесточенное наступление на жизненный уровень и демократические завоевания народных масс. Никогда еще за весь послевоенный период цены на продукты питания и предметы первой необходимости не росли так быстро, как в нынешнем году. Энергетический кризис добавляет свои проблемы. Такое положение в полной мере относится и к странам, которые до недавнего времени считались образцом «экономического чуда», где, по уверениям буржуазных идеологов, рабочие и капиталисты будто бы живут в условиях «классового мира». Никакого «классового мира» быть не может. Есть классовая борьба.

В день 1 Мая — Международного праздника пролетарской солидарности — трудящиеся капиталистических стран на митингах и манифестациях продемонстрируют свою волю в борьбе за социальный прогресс.

ФРАНЦИЯ

Ожесточенный характер носит классовая борьба на электромеханическом заводе «Рато» в Курнёве (предместье Парижа). Бастующие рабочие заняли цехи завода в знак протеста против намерения хозяев уволить 400 их товарищей. Во Франции развернулась широкая кампания поддержки бастующих. Рабочие не отступят. За их спиной — миллионы французских трудящихся.

М Д Е Т Е Й!

Фото из журналов «Курьер ЮНЕСКО» и «Фьюр дилх».

ИТАЛИЯ

На текстильной фабрике «Миртекс», недалеко от Рима, большинство работников — женщины. Предприниматели решили, что с ними можно не считаться, и наполовину сократили заработную плату. Работницы решительно запротестовали. Администрация ответила: «Не хотите получать такую заработную плату, мы закрываем предприятие». И тогда возмущенные рабочие захватили фабрику, выставив вокруг нее пикеты. Стачечный комитет, куда вошли старейшие рабочие, потребовал восстановить прежний уровень заработной платы, улучшить условия труда, предоставить трудящимся право участвовать в разработке производственных планов фабрики.

Рабочим было непросто выдержать все трудности борьбы. Их семь голодали. По призыву Всеобщей итальянской конфедерации труда в стране начался сбор средств в помощь бастующим. Рабочим и работницам «Миртекса» помогали не только братья по классу, но и мелкие торговцы, крестьяне. Бастующие вырвали первую победу: полная зарплата восстановлена.

США

21 месяц продолжалась забастовка швейников тexasской компании «Фарах», производящей готовую одежду. Рабочие, в основном женщины, выступали за право профсоюзную организацию. Владелец Уилли Фарах, разместивший восемь своих крупнейших фабрик вдали от индустриальных центров, рассчитывал тем самым избежать влияния профсоюзных объединений на своих рабочих. В ответ на требования рабочих хозяин объявил ультиматум: всякий, кто станет членом профсоюза, немедленно получит расчет. Две тысячи забастовщиков были уволены.

Наш журнал сообщал, что кампания поддержки тexasских швейников под лозунгом «Бойкот изделиям «Фараха» прокатилась по всей Америке. Фирма стала терпеть огромные убытки. Предприниматель вынужден был сдаться. Швейники завоевали право объединиться в профсоюз.

ЯПОНИЯ

Валютно-финансовый и нефтяной кризис, инфляция, стремительный рост цен тяжело отразились на положении японских трудящихся. В январе нынешнего года розничные цены возросли на 23,1 процента, подорожали коммунальные услуги. До 1 миллиона выросла армия безработных.

По призыву ведущих профсоюзных объединений здесь началось традиционное весеннее наступление трудящихся, в котором в общей сложности принимает участие десять миллионов человек. Главные требования сегодня — остановить инфляцию, прекратить рост цен, повысить зарплату низкооплачиваемым слоям трудящихся.

Для единства действий создан Комитет совместной весенней борьбы, в который наряду с крупнейшими профсоюзными объединениями СОХИО и Тюрицу Рорэн вошли Коммунистическая и Социалистическая партии Японии, женские, молодежные и другие демократические организации.

На с ними к работе Токио требуют повышения пенсионного обеспечения, бесплатной медицинской помощи.

Наша информация

НАКАЗ МАТЕРИ

Прикарпатский город Дрогобыч особенно приветлив в этот безоблачный весенний день. Женщины, заполнившие зал Дома культуры, гордые и немного взволнованные, ожидают открытия девятого традиционного слета матерей солдат. У одних сыновья уже служат в Советской Армии, другим предстоит в этом году проводить их на воинскую службу.

В президиуме отважная разведчица Елизавета Яковлева Вологодская, защитница Сталинграда Мария Андреевна Скобцова (вверху). Мать семерых сыновей Анна Яковлева Кучерявая сидит рядом с сыном-моряком. Петр только вернулся с флота. Она не скрывала слез, когда зачитывала телеграмму, в которой командир части благодарит ее за воспитание другого сына — Дмитрия.

Под звуки оркестра торжественно входят в зал седые, увешанные боевыми регалиями участники Отечественной войны. Они несут напуганные с землей городовероев. От имени слета «Наказ матери сыну-солдату» читает Светлана Николаевна Казьмина:

«...Вступив в ряды доблестных Вооруженных Сил, ты принял военную присягу. Прими же, дорогой сын, и мой материнский наказ.

Твое право жить, дышать и улыбаться всему прекрасному на нашей земле оплачено кровью твоих отцов и дедов. Сын мой! Отныне ты не только мой мальчик. Ты солдат. Ты принадлежишь теперь не только мне, твоей матери. Ты принадлежишь матери-Родине...»

Автобус с транспарантом «Матери едут к сыновьям» направился в одно из воинских подразделений Львовского гарнизона. Женщины везли домашние пироги — гостинцы солдатам.

Марию Андреевну Скобцову — бывшего лейтенанта медицинской службы — попросили рассказать о боевом пути. В 17 лет она ушла на фронт. В 1942-м обороняла Сталинград. За мужество и отвагу Скобцову наградили орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды. Курская дуга, Севастополь. Войну Скобцова закончила под Будапештом.

Скоро тридцать лет, как работает Мария Андреевна медицинской сестрой. Выростила троих ребят. Сын ее Виктор третий год плавает на боевом корабле.

...В солдатской столовой сегодня праздничный обед в честь матерей. Дымятся бачки с ароматными щами, запах жареной баранины возбуждает аппетит. Домашние пироги, несколько самоваров. Собралась одна большая семья.

А. ЕЛАНЧУК
Фото автора.

А. Я. Кучерявая с сыном.

Строится автоград

В Ростове-на-Дону в парке имени Николая Островского раскинется миниатюрный город — с трамвайными линиями, проезжими дорогами, тротуарами и подземными переходами: первый в стране детский автоград. А вокруг него — «загородное шоссе» с крутыми подъемами и спусками.

Тысячи юных ростовчан смогут изучать здесь сложные правила городского движения, осваивать вождение автомобиля. Уже почти готов

учебный корпус — красивое двухэтажное здание с просторными залами, открытой верандой и огороженными стенными витринами пунктом наблюдения.

По специальному проекту изготавливаются автопоезд и трамвай «Орленок». В оборудовании детского автомобильного городка принимают участие десятки предприятий и организаций города.

Т. ВЛАДИМИРОВА

Всегда с вами

Над сценой Колонного зала Дома союзов две даты — 1914—1974. Сегодня здесь встреча редакции «Работницы» с читателями, писателями, журналистами, полиграфистами, художниками, с героями и авторами очерков и репортажей. Встреча, посвященная 60-летию со дня выхода первого номера «Работницы».

...Аппаратчица казанского завода «Оргсинтез» Гульсинэ Зантиминова и секретарь парткома купавинской тонкоконной фабрики имени Акимова Нина Андреевна Румянцева; бессменный секретарь Н. К. Крупской Вера Соломоновна Дридзо и заместитель председателя Комитета советских женщин Ксения Сергеевна Проскурникова; солистка ГАБТа Тамара Синявская и Герой Советского Союза летчица Марина Чечнева; доктор медицин-

ских наук Марфа Васильевна Павловец и председатель Волгоградского женского совета Зинаида Федоровна Дубровина; поэтесса Майя Румянцева и зав. внештатным отделом по работе среди женщин Одесского обкома партии Анастасия Михайловна Воробьева; писательница Антонина Коптяева, журналистка Наталья Макарова, воспитанники московского профтехнического училища... Люди разных поколений, разных судеб и профессий приветствовали «Работницу», высказали свои пожелания журналу.

Редакция благодарит всех участников вечера, артистов, выступивших в большом и интересном концерте, а также многочисленных читателей журнала, приславших поздравления «Работнице» в день ее шестидесятилетия.

И ВНОВЬ РАСЦВЕЛ САД

Хакассия. Молодой город Черногорск, получивший название от Черной горы, иладовой хакасского угля. При въезде в город нельзя не обратить внимания на большой фруктовый сад, столь еще редкий в этих местах.

Когда-то здесь был заброшенный пустырь. Но приехали в Черногорск Елена Карповна и Георгий Яковлевич Будимировы и решили развести сады, подобные тем, что цветут у них на родине, в Орловской области.

Зима в Хакассии суровая, поэтому сибирские садоводы выращивали обычно стелющиеся деревья. Но ухаживать за ними куда труднее, да и фрукты получаются мелкие, невкусные.

Будимировы же решили вырастить яблони, дающие крупные, сочные плоды. И Георгий Яковлевич поехал в Козлов, к самому Мичурину. Ученый радушно принял его, посоветовал, как осуществить замыслы. Подарил три зимостойких сеянца.

Начались эксперименты. Несколькими раз пробовали Будимировы привить «мичуринку» на дикорастущую яблоню. Наконец успех. Деревце перезимовало без ущербов. А потом из него выросла красивая, развесистая яблоня, которой дали имя «Победитель». Она и стала родоначальницей нескольких зимостойких сортов:

«Сибирской улыбки», «Сибирского богатыря», «Сибирской зари».

Черногорские садоводы-любители сделали зимостойкими и такие сорта, как антоновка, апорт, боровинка, белый налив, украинская красноплодая, мичуринка.

Тысячи саженцев передали Будимировы в сады колхозов и совхозов Сибири.

Будимировы заложили сад при Черногорском Дворце пионеров, сады в совхозах Аскизского района, раздали множество саженцев и садоводам-любителям Черногорска и Абакана.

Георгий Яковлевич уже нет в живых. Но Елена Карповна продолжает любимое дело. Ей помогает молодой шахтер Николай Степанович Полянский, ученик Будимировых.

Сбывается мечта садоводов-мичуринцев — увидеть Сибирь в цвете садов.

С. ЯЛЯЦКАЯ

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ГОРНЯК

Лента транспортера была синей. Вначале я подумал: «Покрашена». Потом пригляделся — оказывается, руда синяя. У приемного бункера стояла женщина и рассматривала кусок руды. Познакомились: Ида Артемьевна Асеева. Двадцать лет работает она на шахте «Северная», Криворожского бассейна. Прошла путь от рабочей до начальника дробильно-сортировочной фабрики.

Более двух миллионов тонн руды пропускает эта фабрика за год. Качество руды настолько высоко, что ее можно сразу загружать в мартен. Чистого железа в ней 58—63 процента. Дробильная фабрика — производство обычно пыльное. Здесь же воздух свеж. Пол блестит, как только что вымытый, на конвейере чистота. На фабрике постоянно внедряются технические новинки, различные приспособления.

Фабрика одна из лучших в Криворожском бассейне. В

красном уголке тесно от знамен, завоеванных коллективом в социалистическом соревновании. А сама Ида Артемьевна удостоена почетного звания «Заслуженный горняк Украины».

Н. ХЛЕБОДАРОВ

Фото автора.

ДЛЯ СЕВЕРЯН

Скоро норильчане будут отдыхать под Москвой. В Тельменском лесничестве (Шатурский район) строится для них дом отдыха санаторного типа. Из окон его норильчане увидят красивейшее озеро Белое, сосновый лес.

Принимая во внимание рекомендации медиков, которые считают резкую смену климата вредной для здоровья, Норильский горно-металлургический комбинат имени А. П. Завенягина заказал институту «Мосгражданпроект» разработку проекта дома отдыха в зоне умеренного климата.

О том, каким он будет, рассказывает автор проекта Ольга Васильевна Брусничкина:

— Более 750 жителей Норильска смогут отдыхать здесь одновременно. Два

больших корпуса: первый девяти-, второй семизатканный — соединяются крытыми переходами. Если на улице сыякоть, дождь, ветер, женщины с детьми смогут совершать прогулки под крышей дома: вдоль второго этажа протянется прогулочная терраса. Для медицинского обслуживания отдыхающих предусмотрены хирургический, рентгеновский, зубоорачебный, физиотерапевтический и другие кабинеты, лечебные душевые, залы для физкультуры.

Ольга Васильевна работала над проектом с особым удовольствием: она хорошо знает и любит Норильск.

Проект был признан лучшим среди многих, представленных на конкурс.

С. ИВАНОВ

Фото И. ЖИРКОВА.

Содружество

Необычно выглядела афиша юбилейного концерта, которым отмечал свое 25-летие народный театр Московского станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе. Она привлекла внимание не только сложностью и разнообразием репертуара (Погодин и Шекспир, Островский и Мольер, Горький и Л. Толстой). Рядом с именами рабочих, инженеров

и служащих завода, давно и увлеченно играющих на самодельной сцене, на афише стояли имена известных актеров прославленного МХАТа — народных артистов СССР Михаила Болдумена, Алексея Грибова, Марка Прудкина, народной артистки РСФСР Маргариты Юрьевой.

Самой интересной в концерте, по всеобщему признанию, была сцена из спектакля «Анна Каренина». Роль Анны исполнила инженер Татьяна Лаврентьева, о которой «Работница» писала несколько лет назад, а Каренина — Марк Прудкин.

Стати, сама идея проведения юбилейного вечера рабочего театра в содружестве с мхатовцами также принадлежала М. И. Прудкину — верному другу станкостроителей. Прошедший с большим успехом юбилейный концерт будет повторен. И уже не на клубной сцене, а в Центральном Доме работников искусства.

М. НАЗАРОВА

РЫБАЛКА ПОМОГАЕТ

Домика Анны Дмитриевны Сафоновой стоит на самом берегу красавицы Нейвы. И в любую погоду почти каждый день выходит Анна Дмитриевна с удочкой к реке. Рыбалка — увлечение всей ее долгой, трудовой жизни.

Анне Дмитриевне скоро исполнится 79 лет, а на здоровье она не жалуется. Говорит: рыбалка помогает. Много лет назад после тяжелой травмы (работала она тогда на шахте) в первый раз взяла Анна Дмитриевна в руки удочку. И больше с ней не расстается.

На снимке вы видите старую рыбачку за любимым занятием. Снимок сделан учеником алапаевской восьмилетней школы № 33 Са-

шей Шашкиным — исти, «заразившись» увлечением Анны Дмитриевны, он тоже стал заядлым рыболовом.

А. ШАШКИН,
учитель истории

Свердловская область.

Подарок флористов

«Цветы России — женщинам строящегося Вьетнама» — так называлось пано из засушенных растений, которые принесли в Комитет советских женщин художники-флористы. Вот уже двенадцать лет работает секция флористов при Московском городском обществе охраны природы. На специальных курсах при этой секции любителей цветов учат засушивать растения так, чтобы на долгие годы сохранились их естественный вид и форма, учат искусству составлять цветочные композиции.

Дело это требует и большого вкуса и больших навыков, — рассказывает председатель секции Ангелина Григорьевна Галкина. — Но сколько радости получает каждый из нас, когда потом на пано или картинах цветы начинают свою новую, долгую жизнь.

В чутких руках самодеятельных художников оживают и простая ячменная или просяная соломка, и найденный в лесу корень, и тополиный пух, и цветок. Композиция «Полевой

А. Г. Галкина (в центре).

букет» В. М. Вересовой, «К свету», «Осенняя радость» И. И. Кошелевой, пронизанные солнцем «Циннии» А. Г. Галкиной рождают у зрителя чувство близости к природе, радость общения с ней.

Во многих домах культуры, народного творчества, клубах устраивают флористы свои выставки-лотереи. Полученные от них средства они перечисляют в Фонд мира.

В. КАРАЧЕНЦОВА

Фото Г. ВЫГАНОВА.

Должна признаться сразу, я оказалась человеком наивным. Сидела как-то дома, попивала молоко и неожиданно задумалась: а как мой любимый напиток разливают по бутылкам? Вроде бы на автоматических линиях? Постаралась представить остальное. Раз автоматическая линия, значит, нажал человек кнопку, заработали автоматы: один подает пустые бутылки, другой моет их, а третий или какой там по счету наливает в бутылки молоко, закупоривает их.

Но однажды, а точнее, в июне 1973 года, мою уверенность в том, что так это все и происходит, поколебало письмо работников молокозавода из города Белебея, что в Башкирии.

«Мы работаем на автоматической линии розлива молока в бутылки,— писали женщины.— Посмотрели бы вы, как мы работаем! Автоматической наша линия только называется. А на деле аппаратчица ежедневно извлекает из корзин вручную тысячи бутылок. На противоположном же конце автоматической линии другая работница тоже вручную укладывает эти бутылки, только уже с молоком, в корзины».

Вот тебе и «нажала кнопку!» Прочитав до конца письмо, под которым стояло 17 подписей, мы позвонили в Министерство мясной и молочной промышленности РСФСР: «Возможно ли такое?» В министерстве к письму работников отнеслись внимательно и пообещали разобраться. На завод выехал заместитель начальника технического отдела Росглавмасло-сырпрома Ю. И. Тихонов. Была создана компетентная комиссия. Об этом мы узнали из присланного в редакцию ответа за подписью заместителя министра В. И. Леонтьева. В письме сообщалось, что факты, о которых писали работницы, подтвердились и комиссия «разработала организационно-технические мероприятия, направленные на обеспечение механизации трудоемких процессов». А дальше говорилось: «Росглавмасло-сырпромом и Башкирским объединением молочной промышленности Белебеевскому гормолзаводу в 1973—1974 годах будет дополнительно выделено автоматизированное оборудование, внедрение которого позволит заменить морально и физически устаревшее оборудование и механизировать отдельные трудоемкие процессы и операции».

Получив такой ответ, мы, естественно, обрадовались и решили порадовать благополучным исходом дела читателей («Письмо не опубликовано, но...», № 12, 1973 г.). Многозначительное «но» в этом заголовке всегда предполагает, что меры приняты и делу конец. Однако в данном случае до конца было еще далеко: мы снова получили письмо из Белебея. «Приезжайте, своими глазами посмотрите, как мы работаем!— просили работницы.— Проверьте, какие у нас перемены!»

Перед отъездом я позвонила в министерство. «Что уже сделано?— повторил мой вопрос заместитель начальника технического отдела Ю. И. Тихонов.— Им посланы две установки для мытья баночек. Недавно я разговаривал с начальником Башкирского объединения, он сказал, что на заводе наведен порядок».

И вот я на Белебеевском молокозаво-

де. Цех цельномолочной продукции, где готовят молоко, сливки, кефир, простоквашу, творог. Автоматическая линия розлива молока в бутылки. Несколько машин, соединенных транспортными цепочками. По транспортеру движутся металлические корзины— точно такие, из каких нам продают молоко в магазинах. Корзины постепенно приближаются к первому автомату... Но что это? Вместо металлических «рук» машины замелькали проворные руки работницы Марвары Нурмухаметовны Саримовой. Одну за другой она вынимает бутылки из корзины и ставит их на следующий транспортер, который передвигает бутылки к моечной машине. А что же автомат?

обстоит теперь? Ведь молоко завод доставляет в детсады, ясли, больницы во флягах.

Но и во флягомоечной без изменений. — Сначала мою каждую флягу содой,— рассказывает В. Г. Миронцева,— потом смываю водой из шланга, еще раз мою и снова полоскаю. И по две чистые фляги тащу в холодильную камеру. Тяжело. Я уже два месяца тут. Неделю еще поработаю и уйду. Обиднее всего: машина есть, пропариватель. На одну педаль нажмешь— горячей водой обмывается фляга, другую нажмешь— паром охватит. Но пропариватель не работает. Уже месяца три, наверное. Видите, педали и то заржавели.

Заявка подала

— Автомат неисправен,— поясняет Саримова.— Сначала пытались его ремонтировать. Наладят маленько— пускают... А потом он и совсем встал. Сколько через мои руки проходит бутылок? Восемьнадцать тысяч бывает за смену. Но у меня еще ничего, на розливо-укупорочной машине потяжелее будет.

После мойки чистые бутылки, миновав контроль на светофильтре, попадают в автомат, который наливает в них молоко и надевает крышки. Отсюда транспортер должен доставить их к следующей машине, назначение которой— укладывать бутылки с молоком в корзины. Но автомат не работает. Вместо него опять женские руки. Две работницы руками подают корзины, устанавливают в них бутылки и сталкивают корзины по самодельным рельсам вниз, на транспортер.

Мудрено ли, что линия, которая должна наполнять молоком 6 тысяч бутылок в час (24 тонны за смену), при такой эксплуатации хромает, спотыкается и дает всего 11 тонн— менее половины производительности. И обслуживают ее вместо пяти человек семеро, да еще в две смены. Итак, на линии розлива молока ничего не изменилось. Все, как описано в первом письме работниц. Но, может, изменения коснулись другого участка? Например, флягомоечной? Работницы жаловались в письме, что там «очень тяжело: ежедневно по 160—180 фляг моем вручную. Постоянно никто не соглашается, так ставят по очереди». Как же дело

«Полно,— думала я,— приезжала ли сюда комиссия?» А как же ответ, присланный министерством за подписью зам. министра В. И. Леонтьева? Ведь комиссия, к примеру, признала, что «линия розлива физически и морально устарела». Но вот выясняю: новые линии заводу отгружат лишь в IV квартале 1974 года.

Однако нельзя ли, пока придут новые линии, хотя бы починить старые? Ведь рядом, в цехе, как я видела, стоит без дела точно такая же линия.

— Что вы, это только снаружи она линия,— ответили мне работницы.— А внутренности-то у нее все давно повяташили. На ремонт нашей.

— Это верно,— подтвердил главный инженер завода В. П. Смагин.— Детали для ремонта нам не поставляли, и мы вынуждены были взять необходимое с соседней линии.

Но автоматы, которые вручную обслуживают работницы, бездействуют уже три года. Пыталась ли администрация за это время приобрести новое оборудование?

— Нет, заявок мы не подавали,— говорит В. П. Смагин.— Почему? Да руки как-то не доходили до этого цеха...

А как с остальными многочисленными «организационно-техническими мероприятиями, направленными на обеспечение механизации трудоемких процессов», которые, по словам В. И. Леонтьева, разработала комиссия? На бумаге они все четко обозначены. «Уточненный план ор-

ганизационно-технических мероприятий по техническому перевооружению, механизации, автоматизации Белебеевского молокозавода» составлен Башкирским объединением молочной промышленности еще 3 июля 1973 года. План прекрасный, но посмотрим, как выполняются пункты, касающиеся тех участков, о которых шла речь в письме работниц.

Пункт первый: «Оборудовать моечную молочных цистерн всеми необходимыми средствами, установить моющие головки и обеспечить механизацию работ на данном участке. Срок — до 23 июля 1973 года».

Я была на заводе в феврале 1974 года, и «механизация на данном участке» выглядела так. Мойщица Раиса Михайловна Акимова держала в руках ершик.

— Сколько ни прошу щеток, допроситься не могу! Мы должны крышки цистерн мыть щетками, а их нет. Что? Моющие головки? И слыхом не слыхали! Шланги, и те еле держатся...

Пункт второй: «Внедрить ручные тележки в экспедиции цельномолочной продукции. Срок — III квартал 1973 года».

Но и в феврале 1974-го ни в экспедиции, ни на линии при приготовлении кефира тележек не было и в помине. По-прежнему корзины с кефиром работницы устанавливали вручную.

На бумаге, полученной редакцией из министерства, черным по белому написано: «Руководством завода не уделялось этому участку производства (то есть цеху цельномолочной продукции) должного внимания. Директору завода тов. Никитенко Н. М. — указано на недопустимость такого положения в дальнейшем».

На деле цех цельномолочной продукции на заводе по-прежнему в роли пасынка. Директор с гордостью сообщил мне, что сыр они поставляют в пятнадцать городов страны, а масло выпускают трех сортов и вообще Белебеевский молокозавод на хорошем счету. Лишь о цехе цельномолочной продукции не обмолвился он ни словом. А цех, между прочим, важнейший: обеспечивает молочной продукцией население города.

Цепная реакция безответственности — так, пожалуй, можно определить эту историю. Безответственности за свои обещания, за слова, за порученное дело.

Когда я сказала директору завода, что флягопропариватель не работает, он очень удивился:

— Не может быть! Безобразия! Ну, я задам главному механику!

Удивился и начальник Башкирского объединения молочной промышленности В. С. Лошак, когда услышал, сколько мероприятий «плана перевооружения» осталось на бумаге по вине администрации завода.

— Неужели? Мы все проверим!

Невольно возникает вопрос: разве не было у руководства раньше возможности проконтролировать выполнение своих же предписаний?

Не удивятся ли также и в Министерстве мясной и молочной промышленности РСФСР, узнав, что в Белебее все по-старому? Кстати, обещанного на 1973 год оборудования завод не получил.

Л. СТИШКОВСКАЯ

Тайна прекрасного...
Фото нашего читателя
Г. Артюшенко (г. Иваново).

ОБМАНУЛИ ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ

Дорогая «Работница», здравствуй! Пишет тебе мать двоих детей. Немного о своей семье. Случились у нас и радость и горе сразу. Дали нам квартиру новую, со всеми удобствами, отдельную, — радости было сколько! Со всеми хотелось поделиться, даже всех расцеловать. Но не прожили в радости месяца, как оба с мужем тяжело заболели, оба попали в больницу, оба стали инвалидами. Надо же такому случиться! Ребята оказались предоставленными сами себе. Новая школа, новые люди вокруг, да еще у сына переломный возраст: он учился в седьмом классе. Выписали нас, заходит соседка и говорит: «Ваш Сергей в школу не ходит или наполвину уроки посещает. Видят его утром на улице».

Ну, конечно, я расстроилась: сын утром с сумкой в школу каждый день отправляется, а выходит, что где-то пропадает. Пришел Сережка, я, конечно, ругала его, плакала, со мной плохо было. Он мне пообещал в школу ходить исправно и закончить седьмой класс хорошо. Так он все и сделал.

А тут у соседки, той, что рассказала о Сереевских прогулах, стала пропадать почта из ящика: письма, правда, оказывались в ручке двери, а газеты

НА КОНКУРС СЕМЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА

и журналы исчезали буквально на глазах. И вора нашли — это был мой сын. Соседка сгоряча даже в милицию отнесла заявление, но потом забрала назад. Упросила я ее, поняла она, что это реакция мальчишки на ее жалобу. Видно, обиделся и разозлился мой Сережка. И все-таки...

Впереди было лето, в пионерлагерь сын ехать не хотел: вырос. На старой квартире летом он заготавливал дрова, копал, поливал огород, строгал, пилил, что-то мастерил в сарае. А здесь, в новом, благоустроенном доме, от безделья всякая глупости ползут в голову, как бы он чего еще не натворил, думала я. И решили мы с мужем его устроить на лето работать. Но Сергею шестнадцати нет — кто его на работу возьмет? Пошли хлопотать на стройку, спасибо там взяли, определили на склад рабочим. Развозил Сережа гвозди, краску, разные материалы на строящиеся объекты. С первой полочки принес он нам с отцом конфет коробку. За лето заработал 180 рублей; купил ему костюм, пальто, ботинки и учебники. На пенсии по инвалидности нам жилось куда труднее, чем при заработках, и Сережа это понял, помог, как сумел. После восьмого и

на КОНКУРС
СЕМЕЙНАЯ
ПЕДАГОГИКА

девятого он тоже работал на складе. Как лето приходит, так за ним посылают: «Мы ждем тебя, Сергей». А он и рад и горд. Так мой парень обманул свой переломный возраст. Соседи и знакомые меня осуждали: мол, рано ему зарабатывать на хлеб, ведь у него еще вся жизнь впереди. А я убеждена: все верно сделали! Да и доказательства есть. Закончил сын десять классов. Пробовал в политехнический институт поступить, но не попал, год проработал в своей школе лаборантом, оттуда и в армию пошел. Летом мы с дочкой ездили к нему. Командир сказал: «Если бы все такими были, как ваш сын!»

Нынешним летом думаю дочку отправить на почту трудиться. А то ее скука что-то стала одолевает: учиться лень, больше смотрит в зеркало, обновкам подружек завидует. Пусть и купит себе сама, а сначала узнает, как зарабатываются деньги.

Все эти события в жизни моей семьи навели меня на размышления о подростках, об отношении к ним.

Наш двор — буквально пятючок. Шесть домов по восемьдесят квартир. Что ни дом, то хорошая деревня в восемьдесят дворов, а ребятам воли нет. Сушка белья, тряска половок, только и слышат подростки окрики родителей, соседей. Волосы не такие, гитары не те. Мальчишки и девчонки огрызаются, слоняясь без дела. Да и чем им заняться? Рядом школа, но в шесть часов там уже ни огонька. Здание школы вечерами пустует, и во дворе нет зимой катка, а летом — волейбольной площадки. А главное, нет людей, которые о ребятах подумали бы, чем занять их после уроков. Недавно смотрела по телевизору передачу студии «Публицист». Как благодарна была я тем парням, которые не прошли мимо мальчишек, не знающих, как и мой Сережка, куда девать буйные молодые силы! Вот эти взрослые думают о свободном времени подростков. Большое им гражданское и родительское спасибо. У нас есть много организаций, которые причастны к воспитанию подростков — от школы до ДОСААФа, — но все решают люди. Есть горячие, ответственные, и ребята тогда при деле.

Мне кажется, нашему комсомолу стоит особо подумать о работе с пятнадцатилетними, теми, у кого возраст переломный, как говорят педагоги. Пионеры в лагерях, студенты в строительных отрядах, а этим куда? Трудовых лагерей пока мало, да и там больше игры, чем труда, а ребята способны уже и к серьезным делам.

Л. Н. ВДОВИНА

г. Пенза.

«Я сама...»

Фото нашего читателя И. Перельштейна (г. Москва).

Я услышала стук в дверь своей комнаты. Квартира наша коммунальная, многонаселенная, и когда в новогоднюю ночь к тебе стучат, это не удивительно.

Кто-то с трудом искал ручку, потом дверь приоткрылась, и в комнату протиснулся страшный медвежонок. Это Катерина. На ней коричневая цигейковая шубка, такая же шапочка, коричневые варежки, валенки и маска медведя, повязанная поверх шапки.

«Медвежонок» глухим голосом сказал:

— Поздравляю вас с Новым годом. — Потом с трудом — на руках варежки — вытащил из одного кармана мандарин, из другого яблоко, положил мне на стол и начал приплясывать на месте, что-то напевая.

Я включилась в игру и одалила «медвежонок» шоколадкой. Потом спросила, как его зовут.

— Катериной.

Маска слетела, я увидела покрасневшее личико и черные, озорно блестящие глаза моей соседки.

Нашей Катерине шесть с половиной лет. Я считаю, что она удивительная и очень хорошая. За все то время, что она живет на свете, я не помню, чтобы она плакала, кричала, капризничала. Конечно, мелкие вспышки были и бывают, на то она и ребенок. Но в семье умеют их сразу потушить, дать им другое направление, убедить в том, что капризничать совсем не стоит. Хотя нет, был на моей памяти один такой эпизод года три назад, когда Катерина не хотела отпустить маму и папу в гости. Она рыдала, по щекам, капая на платье, текли слезы.

Удивленная плачем Катерины, я вышла в коридор. Стоял молча папа, высокий, молодой человек. Рыдала Катерина. Около нее на корточках присела мама. И я услышала диалог:

— Катюша, ты пойми, мы уходим. Сейчас ты ляжешь спать. А утром, когда откроешь глазки, мы будем дома. Но если ты не разрешишь, я не уйду, останусь. Только мне очень хочется. Видишь, я сделала прическу и надела нарядное платье. И папа, посмотри, тоже огорчен.

Катерина перестала рыдать и прерывающимся голосом спросила:

— А ты вернешься? Правда?

— Ну, конечно. Я же тебя ни-

когда не обманывала, верно?

— Да,— тихо сказала Катерина. Она обняла маму, поцеловала. Поцеловала папу. Постояла в коридоре, глядя, как за родителями закрылась дверь. Потом помахала мне ручкой, сказав «спокойной ночи», и нехотя пошла в свою комнату. В дверях ее ждали бабушка и дедушка. Они не вмешивались в конфликт и не уговаривали девочку.

Меня до сих пор удивляет эта сцена. Что в ней значительного? Мама попросила у Катерины разрешение уйти, как у человека, с которым считаются, чье мнение важно. И девочка разрешила, потому что поняла — ее уважают. Мама никогда не обманывает.

Наблюдая эту семью из четырех взрослых человек и одного ребенка, я сделала вывод, что в ней главенствует мама. Она последняя инстанция, первый авторитет для Кати. Папа, бабушка и дедушка поддерживают ее в воспитании, говорят и делают при ребенке то, что сказала мама. Я догадываюсь, что в отсутствие девочки у них бывают какие-то несогласия и споры. Но все это разрешается без нее.

И еще Катерину приучают к самостоятельности. Она умеет играть сама. Достанет всех своих зверюшек и кукол, усадит в рядок на диван и разговаривает с ними, кормит обедом, укладывает спать, поет им песенки. Очень любит девочка помогать маме. Отнесет на кухню грязную посуду, пол подметет лучше взрослого: мусор соберет в совок и аккуратно сбросит в ведро. Уберет свои игрушки в уголок и зовет кого-нибудь посмотреть.

— Хорошо, чисто я убрала? Когда мама стирает, Катерине тоже разрешают стирать. Мама наливает в маленький тазик теплой воды, дает мыло. И Катерина стирает кукольные платья или машины платочки. А потом вместе занимаются полосканием белья в ванной. И вешают белье вместе: мама стоит на стремянке, а Катерина подает. Это ее неотъемлемое право с давних пор.

Печет бабушка пироги, Катерине дается кусочек теста. Она что-то лепит из него, а потом с аппетитом съедает испеченную «калабушку».

Катерина и я изобрели «свой» язык, который так любят дети. Абракадабра, которую мы

несем, нравится ей. С ее точки зрения, это тайна, которую не знают другие и знаем только мы двое. Например, когда Катерина со мной здороваются, я говорю ей:

— Как делишки?

Ответ дается в зависимости, заметьте, не от настроения, а от состояния здоровья.

Весело: «Хорошишки!»

На пониженном тоне: «Середнишки».

И совсем печально: «Плохишки».

Спрашиваю я: «Почемушки?»

Отвечает: «Я болеюшки».

И так до тех пор, пока не развеселится, не засмеется. Смеюсь и я. Смеются родители. И Катерина повеселела.

Катерина — добрый человек. Как-то на праздник мне понадобились воздушные шары для моей маленькой внучки, и я нигде не могла их купить. Ее мама узнала о моем затруднении и спросила у Катерины:

— Катюша, отдадим Нине Ивановне шарик для маленькой девочки?

Катерина ответила весело:

— Отдадим.

Ей в этот день подарили четыре разных шара, и она, не колеблясь, отобрала два самых ярких и отдала мне.

Получилось так, что я не смогла отдать их внучке. До сих пор храню у себя и буду хранить как свидетельство бескорыстной доброты милого мне ребенка.

Вот написала я часть того, что знаю о Катерине, и подумала: «Это о шестилетнем-то ребенке! Бывает, что столько о взрослом доброго не скажешь». А все потому, что в этой семье, на мой взгляд, существуют свои правила. Но они настолько немудреные, что их перечислять неудобно: такие должны действовать в любой семье. Но коли это не так, повторю общеизвестное, подытожу уже сказанное.

Здесь конфликты, если таковые возникают, разрешаются без ребенка.

Здесь не потакают глупым капризам (поэтому их и нет у Катерины), обращаются с девочкой, как со взрослой, доверяют ей.

Здесь приучают к труду, сильному для ребенка.

В семье строгий режим (если сказано «спать», Катерина без слез и капризов уходит от включенного телевизора).

Катерину никогда не обманывают. Обещают, что могут, а если не могут, так и говорят: «Это нельзя».

Воспитывается благожелательное отношение к людям, воспитывается доброта.

Не пресекают прекрасное детское фантазерство. (Хотя, к сожалению, и не развивают его сознательно. Но это не так уж важно, если все остальное в порядке.)

Соседка Катерины, то есть я, РОМАНОВА Нина Ивановна. Москва.

ОТ АТОМНОГО РЕАКТОРА ДО РАДИОПИЛЮЛИ

Доктор химических наук, лауреат Государственной премии Наталья Дмитриевна Розенблюм достает из ящика стола небольшой моток проволоки, по виду он напоминает струну гитары. Это и есть ее знаменитый детектор — «обнаружитель» нейтронов. С его помощью люди смогли заглянуть в святая святых — в работающий атомный реактор, научились узнавать в любой момент мощность нейтронного потока в любой из его зон.

Прибор, столь необходимый для успешного наступления мирного атома, был создан Н. Д. Розенблюм и ее коллегами — работниками электротехнической промышленности.

— Ни один прибор не выдерживал всеразрушающей бомбардировки ядерного излучения и температур в 700—800 градусов, — рассказывает Наталья Дмитриевна. — А что, если в реактор поместить не прибор, а однородный материал, который под действием ядерного излучения сам бы становился радиоактивным, излучал электроны и как бы превращался в прибор? Так из идеи родилось решение.

Детектор сверхминиатюрен, весит граммы и исключительно прост по конструкции. Такие детекторы размещают в разных зонах атомного котла и по силе тона, который они вырабатывают, судят о процессах, происходящих в реакторе. Это значительно сокращает время пуска реактора после профилактических остановок. Только на Белоярской атомной станции благодаря такой системе контроля экономия превышает 300 тысяч рублей в год.

А недавно система контроля отправлена для двух первых реакторов мощной Билибинской АЭС на Чукотке.

С помощью мирного атома ученые научились ставить диагнозы не только атомным реакторам, но и людям.

На ладони кандидата химических наук Ольги Павловны Федосеевой крошечная ампула величиной с фасолину. Ее предназначение — радиоизотопное исследование желудочно-кишечного тракта. Радиопилюля состоит из двух отсеков: в одном — миниатюрный источник питания, в другом — детектор с усилителем и радиопередатчиком. Радиопилюля входит в комплект нового универсального прибора для изотопной диагностики опухолей. В комплекте — зонды для исследования кожи, внутренних полостей, легких, глазного яблока.

Лаборатория, возглавляемая О. П. Федосеевой, в тесном сотрудничестве с учеными Институтом экспериментальной и клинической онкологии АМН СССР разработала серию миниатюрных детекторов диаметром от 0,5 до 3 мм. Они используются для изготовления легочного зонда, а также иглового зонда, в котором детектор размещен на конце иглы. Сейчас электротехники работают над созданием многодатчиковых зондов, которые позволяют при исследовании, скажем, пищевода точно определить место, протяженность и характер болезненного процесса. Это поможет распознать болезнь как можно раньше и тем вернее победить ее.

Ольга Павловна Федосеева — признанный авторитет в области полупроводниковых детекторов. Она принимала участие в разработке первых в нашей стране датчиков на полупроводниках, которые оказались незаменимыми помощниками в космических исследованиях, геологии, различных областях техники и вот теперь — в медицине.

Так талант и труд женщин — ученых электротехнической промышленности помогают наступлению мирного атома.

М. ГЛУХОВСКИЙ

«Карло вошел в каморку, сел на единственный стул у безногого стола и, повертев так и эдак полено, начал ножом вырезать из него куклу.

«Как бы мне ее назвать? — раздумывал Карло. — Назову-ка я ее Буратино. Это имя принесет мне счастье...»

Первым делом он вырезал на полене волосы, потом — лоб, потом — глаза... Вдруг глаза сами раскрылись и уставились на него...»

Видите? Это же Буратино.

Нет, я не спрашиваю у вас, помните ли вы, что было дальше, какие приключения случились с деревянным мальчишкой, я просто говорю: видите?

И вы на самом деле видите, потому что когда-то, давно-давно, когда вы первый раз читали сказку Алексея Толстого, рядом с черными строчками на белой бумаге была нарисована задорная рожица с длинным носом, хохолком из стружки и в полосатом колпачке.

Да что говорить: в те далекие годы, прежде чем прочесть строчки Толстого, вы рассмотрели тысячу раз картинку, на самом-то деле именно с картинки книжка для вас и началась.

А потом то же самое сделали ваши дети.

А теперь, может быть, то же самое делают дети ваших детей.

Они начинают книжку с картинки.

И это не проходит с умением читать. Это вообще никогда не проходит.

Вот пришел в читальный зал шестиклассник. Вполне солидный, настроенный на подготовку к докладу или сочинению.

Но попробуйте отвернуться на минуту — он уже сидит, блаженно улыбаясь, над грудой «Веселых картинок», и такое искреннее счастье написано на его физиономии, что просто рука не поднимается взять у человека журнал и засадить его за уроки.

Наверное, дело в том, что книжная картинка позволяет нашему читателю, маленькому и не очень маленькому, остановить самое прекрасное мгновение, которое захватило его в книжке. Прочитать и увидеть — вещи разные.

«Карло... начал ножом вырезать... куклу... Вдруг глаза сами раскрылись и уставились на него...» — уж куда как ярко, куда как картинно написано. И все-таки хочется увидеть. Какие глаза? Какой Карло? Каким ножом?

Необыкновенная сила художественного образа заключается в том, что каким-то непонятным способом обычные слова, написанные на обычной бумаге, приводят в движение наши чувства.

Но пока читатель мал, даже не очень мал, эти драгоценные подарки воображения быстрее и легче приходят к нему, если книжка — с картинками.

Разные художники по-разному дополняют и расширяют мир писателя, мир книги. Один добавляет конкретного знания. Его рисунки точны, бесспорны, каждая деталь в них документальна, каждая расширяет кругозор; другой художник пытается углубить настроение книги, придать этому настроению свой, особенный оттенок. Тогда-то и появляются не похожие друг на друга книги, которые написаны, как это ни удивительно, одним и тем же писателем. Попросите в детской библиотеке сказки Александра Сергеевича Пушкина с иллюстрациями И. Билибина и В. Конашевича.

Текст повторится без изменения. Но книги не похожи друг на друга, как красивые люди, приехавшие из разных стран. И для кого-то из наших детей «первым» Пушкиным станет Пушкин Билибина, а для кого-то — Пушкин Конашевича.

Книжная иллюстрация помогает додумать и продолжить, наглядно представить и запомнить то, что описано в книге.

Мы не всегда представляем себе, какое обилие знаний, какой толчок для мышления получает ребенок, внимательно рассмотревший иллюстрацию.

Года полтора тому назад в Государственной республиканской детской библиотеке начался цикл выставок художников-иллюстраторов. На первой же встрече, встрече семиклассников с художником Игорем Александровичем Ильинским, который много работает в историческом жанре, мальчишки схлестнулись в горячем споре, перечисляя доспехи и детали вооружения древнегреческого воина. Ах, почему не было там учителя истории, чтобы мог он услышать вдохновенное описание орнаментов и перечисления восьми видов сандалий, в которых перемещалась легкая пехота! Сам художник только поднимал брови все выше и выше, а ребята уже кинулись к следующей иллюстра-

писателя Волкова, которая давно уже стала любимой сказкой наших ребят.

Художник сумел хорошо понять писателя, их творческие взгляды и представления счастливо совпали. Тогда ребята получают образ, наполненный глубоким смыслом, имеющий свое, запоминающееся лицо, ребята получают то, что на бесчисленных тетрадных страничках в клеточку называется «мой любимый литературный герой».

Малыши влюбляются в своего «любимого героя» со всей силой ребячьей непосредственности. И тогда в альбомах появляются портреты Страшила или Буратино, тогда, ворочаясь вечером в кровати, третьеклассник придумывает продолжение волшебных приключений... Книга сделала свое дело. Она разбудила в ребенке фантазию, она незаметно внушила ему, «что такое хорошо и что такое плохо». И сделал это не один только писатель. Это сделали вместе писатель и художник, два полных автора настоящей, хорошей детской книжки.

...А чтобы вам, читатель, захотелось взять в руки детскую книжку с картинками, принести ее домой, сесть рядом с сыном — вот вам очень веселые, очень добрые, очень хорошие человечки из книг, оформленных художником Л. Вла-

ВИДИТЕ?

И. ЛИНКОВА

дии, на которой Александр Македонский склонился над убитым отцом, и оказалось, что у каждого из ребят есть свой вариант: какое должно быть выражение лица у юного Александра, и куда поместить на рисунке фигуру убийцы, и как расположить потрясенную толпу...

Малыши не умеют так внятно формулировать свои впечатления.

На встречах с художниками Германом Михайловичем Мазуриным и Леонидом Викторовичем Владимирским было не много слов, зато много дружного и радостного детского смеха.

Разумеется, когда на твоих глазах прямо на пустом белом листе бумаги появляется твой самый любимый, самый веселый герой — почему же не смеяться и не радоваться?!

За этой беззаботной и естественной реакцией стоит серьезная, очень важная особенность детского восприятия мира. Этот мир, большой и пестрый, должен предстать перед ребенком в определенных, сложившихся образах. Детскому развивающемуся сознанию нужно найти, за что зацепиться, чтобы усложнять дальше свои представления, свои ассоциации, свое мышление.

«Буратино...» И вместе с веселой, озорной физиономией в сознании ребенка возникают не названные словами представления о смелости и дружбе, находчивости и смекалке.

«Страшила...» — и вместе с круглой рожицей, выглядывающей из-под шляпы, маленький читатель мгновенно вспоминает всю долгую, запутанную цепь героических приключений, начавшихся когда-то еще в «Волшебнике Изумрудного города» — первой сказке

дмитрийским. Про каждого из них маленькие читатели совершенно уверенно говорят: да-да, это мой любимый герой, это мой самый любимый.

Вы только посмотрите на Буратино, которого рассерженная Мальвина заперла в чулане за то, что он никак не хотел учиться писать. Немножко жалко деревянного мальчишку, рожица у него такая растерянная... И вообще уж больно неуютно в чулане: все такое серое, сумрачное, а паук, смотрите-ка, совсем обнагдел — висит на своей противной паутине прямо на носу бедного Буратино. Летучая мышь какая-то недобрая, глазки маленькие, злющие, когти растопыренные. Нет, наверное, сейчас с этим самым Буратино должно случиться что-то нехорошее. Может быть, даже ему угрожает беда. Может быть...

...А эта «зеленая» старая дама? Ну разве не заметно сразу, какая она чопорная и надменная? Как она губки поджала! Как она держит бумажку! Ну просто баронесса, почти баронесса, как раз такая, какую описал Джанни Родари в своей увлекательной сказке «Путешествие Голубой Стрелы». Впрочем, если приглядеться внимательно, то «почти баронесса», пожалуй, все-таки не очень злая. Смотрите, какой забавный сиреневый бантик выглядывает из ее прически. Так и хочется улыбнуться. Недаром в конце книжки старушка совсем подобрела, и даже выражение лица стало у нее совсем другое...

Вот так, разглядывая страницу за страницей, пройдет ребенок вслед за художником, улыбнется, задумается, сравнит, вспомнит. И это принесет ему большую радость и настоящую пользу.

Л. ВЛАДИМИРСКИЙ

Иллюстрации к книгам А. Волкова «Волшебник Изумрудного города», А. Толстого «Золотой ключик, или приключения Буратино», П. Амадуни «Чао — победитель волшебников», Д. Родари «Путешествия Голубой Стрелы», М. Фадеевой и А. Смирнова «Приключения Петрушки».

Фото И. КОНСТАНТИНОВА, В. ТЮККЕЛЯ.

Туристскими тропами.

Зовут дороги

Туризм... Путешествия... Походы... Когда мы произносим эти слова, то по традиции невольно представляем сильного, молодого спортсмена с рюкзаком за спиной. Между тем за последние годы и образ туриста и его внешний вид весьма изменились. В походы отправляются люди самых разных возрастов, путешествуют и родители с детьми. Туризм получил признание самых широких слоев населения. Теперь уже можно смело говорить о том, что сложилась новая отрасль народного хозяйства — «индустрия туризма», на развитие которой государство не жалеет средств.

Наш корреспондент А. ФОМИЧЕВА обратилась к первому заместителю председателя Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС Владимиру Ивановичу СМЕРНОВУ с просьбой ответить на некоторые вопросы, интересующие читателей журнала:

— Какие новые тенденции наметились за последние годы в развитии массового туризма?

— Сначала приведу несколько цифр. С 1969 года объем услуг, предлагаемых туристскими организациями, увеличился в 4 раза. По сравнению с 1973 годом число туристских учреждений выросло на 120 и достигло 900. Это не только палаточные лагеря, но и комфортабельные гостиницы, кемпинги, туристские базы. Они смогут одновременно принять и обслужить свыше 250 тысяч человек.

Примечательной тенденцией является переход от строительства единичных объектов к созданию крупных туристских комплексов. Строится не одна, а несколько современных гостиниц со всеми удобствами, а рядом — библиотеки, киноконцертные залы, канатные дороги, лодочные станции. Такие комплексы уже сложились в районах Приэльбрусья, Домбая, Нальчика, озер Селигер и Иссик-Куль.

— Наши читательницы интересуются маршрутами, по которым пройдут туристы нынешним летом.

— В предыдущие годы туристы устремлялись в основном по «классическим», традиционным маршрутам — Крым, Кавказ, Прибалтика. В последние годы их география заметно расширилась. Выросли гостиницы и туристские базы в Мурманске, Пензе, Караганде, Улан-Удэ, в районах Архангельска, Омска, Дальнего Востока. Всего будет предложено 5120 маршрутов, в том числе 335 все-союзных. Многие из них тематические: «По ленинским местам», «Жигулевская кругосветка», «Огненная дуга», «По местам боевой славы», «В край белых ночей», «По пушкинским местам»...

Для перевозки туристов, конечно, нужен транспорт. В этом году в их распоряжении — 6,2 тысячи специальных рейсов туристских поездов, 131 теплоход, 23 тысячи туристских рейсов самолетов, 180 тысяч автобусных рейсов.

В каждой республике, области свои возможности по организации туризма, свои достопримечательности, излюбленные места, свои традиции отдыха. Там, где есть пещеры — под Пермью, Ленинградом, — многие увлекаются спелеотуризмом. Под Горно-Алтайском есть база для тех, кто любит путешествовать верхом. В Башкирии впервые был организован водный маршрут по реке Белой на надувных плотах. Сейчас на таких плотах путешествуют по Чусовой, Мане, Симу и другим рекам.

Ряд новых маршрутов в этом году предлагает Мурманский областной совет по туризму и экскурсиям — «По городам Кольского полуострова», «По Хибинам». В их программе увлекательные водные и пешие походы.

С жизнью, историей и современными достижениями Киргизии можно ознакомиться, совершив путешествие к озеру Иссык-Куль.

— Наш журнал неоднократно выступал в защиту семейного туризма — путешествий родителей с детьми. Что нового предлагается нынешним летом?

— Организация такого туризма — дело непростое. Надо обеспечить детей специальным питанием, медицинским обслуживанием, позаботиться об их безопасности в походах. Некоторые сдвиги, несомненно, есть. В прошлом году только по 77 все-союзным маршрутам было продано 180 тысяч семейных путевок. Правда, большая часть — по маршрутам традиционным, о которых я уже говорил. Но среди них и 7 новых — по Ставрополю, озерам Прибалтики.

В этом году туристские организации предложат уже 90 маршрутов для семей и смогут обслужить 200 тысяч человек. На берегах Оки и Волги, в Паланге, Алуште появились новые туристские базы для родителей с детьми.

Центральный совет по туризму и экскурсиям разрешил в этом году местным советам принимать детей на всех теплоходных и железнодорожных туристских маршрутах. Но дети — отдыхающие особого рода: они шумят, бегают, громко разговаривают. И по мере того, как увеличивается число родителей, путешествующих с детьми, становится беспокойнее взрослым. И мне думается, вашим читательницам следует заранее подготовить детей к походу, разъяснить, как они должны вести себя, когда можно пошуметь, порезвиться, а когда следует быть поспокойнее. Детей младше 12 лет в путешествие брать нельзя, а ребенок постарше в состоянии все понять.

— Наши читатели нередко жалуются на недостатки в обслуживании на турбазках. Так ли это?

— В целом уровень обслуживания туристов и экскурсантов постоянно улучшается. Однако случаи невнимательного отношения, грубости и иногда срыва за-

планированных путевой мероприятий, к сожалению, есть. Но это для нас ЧП. И каждый такой случай не остается незамеченным. Мы стараемся, чтобы туристы были довольны путешествием. Ежегодно тратим десятки миллионов рублей на ремонт старых, давно существующих гостиниц, туристских баз. Собственных предприятий общественного питания у нас 613 на 88 тысяч мест. Более 50 тысяч мест арендуем в столовых.

Что же касается уровня туристско-экскурсионного обслуживания, он, безусловно, должен и будет повышаться. В прошлом году при Высшей школе профдвижения впервые открыт факультет, который готовит туристских работников высшей квалификации. При Центральном совете работают специальные курсы, где проходят подготовку и переподготовку все работники туристских учреждений и организаций.

— Что вы можете сказать об ассортименте и качестве туристского снаряжения?

— Нашей промышленностью сделано немало в этом отношении — увеличилось количество инвентаря, стало лучше и его качество. Но говорить, что все хорошо, конечно, нельзя. Не удовлетворяет пока качество штормовых курток, спальных мешков, рюкзаков и палаток, надувных лодок. Блеклые краски снаряжения для туристов не радуют глаз, не привлекают покупателей.

Министерство легкой промышленности СССР занимается сейчас разработкой нового снаряжения и оборудования для туристов. Мы устраиваем выставки лучших отечественных и зарубежных образцов и приглашаем на них тех, кто непосредственно участвует в изготовлении такого снаряжения.

Есть у нас претензии к Министерству торговли СССР. Не во всех районах страны можно купить снаряжение и инвентарь, нужные туристам. Мало специализированных магазинов, и часто турист, чтобы купить все необходимое, вынужден бегать по различным магазинам.

Туристских прокатных пунктов вроде бы достаточно. Но ассортимент и качество оборудования и снаряжения, которыми они располагают, пока не удовлетворяют туристов.

— Мы говорили о длительных путешествиях, куда люди отправляются во время отпуска. Но есть еще выходные, праздничные дни. Как будет развиваться такой «мини-туризм»?

— Особое распространение получили короткие путешествия на поездах, автобусах. В прошлом году так отдыхали свыше 7,5 миллиона человек, а в этом году, как мы предполагаем, таких путешественников будет на миллион больше. Для них организованы «поезда здоровья», поезда «Грибник», «Снежинка», для сельских жителей — «Театральные».

Составляется специальное расписание движения автобусов, поездов, самолетов, удобное для туристов. Желающие могут получить напрокат необходимое снаряжение.

— А как обслуживаются туристы-одиночки?

— К сожалению, в этом вопросе мы пока еще отстаем. Чтобы хорошо организовать такой отдых, обеспечить индивидуальных туристов ночлегом, питанием, нужны базы, нужны средства. Эту задачу мы с себя не снимаем. Но пока основная забота — туризм групповой.

**В ЗУБАХ
НАВЯЗЛО**

Это неоспоримый факт: у человека есть зубы. Они служат ему для пережевывания пищи, а также для красоты. Без зубов человек лишен внешнего обаяния. Отсюда вывод: зубы надо беречь, ухаживать за ними. А для этого необходимы: а) зубная щетка, б) зубная паста или зубной порошок.

Но что прикажете наносить на зубную щетку жителям города Ачинска, Красноярского края, которые давно не могут купить ни зубного порошка, ни пасты? Кое-кто советует употреблять с этой целью пасту для чистки ванн. Мы не сомневаемся, что с помощью этой пасты зубы можно довести до определенного блеска. Ведь ею очищают даже подгоревшие сковородки.

А в Магадане, рассказывают, в ход пошли кирпичи. Из этого строительного материала, на первый взгляд далекого от затронутой проблемы, магаданцы добывают порошок, заменяющий им зубной. Поскольку ни пасты, ни порошка в продаже нет.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Новый вид закаливающих водных процедур предлагает баня поселка Ики Бурул Калмыцкой АССР. Вода подается попеременно — либо только горячая, либо только холодная. Намыленные посетители, обжигая тело, закаляют дух и укрепляют нервную систему. Группа жителей районного центра, испытавших новую процедуру на себе, просит передать свою искреннюю признательность начальнику отдела коммунального хозяйства тов. Самхаеву.

ПЕРСОФИЛЬМ

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

— Кха, кха, кха-а-а...
Опять! Будь оно неладно, это заколдованное место. Только директор Олонского леспромхоза товарищ Стелькин перешагнет порог малярного цеха, как сразу же что-то невидимое набивается в глаза, нос, горло, и начинается кашель. А тут еще маляры поднимают шум, говорят: вентиляция в цехе держится на этих, как их, в общем, на нелитературном выражении,

и служит не для отвода запахов краски, а для отвода глаз. Зря волнуются женщины: директор за тем и пришел, чтобы наконец во всем разобраться. Да только не может шагнуть дальше порога.

— Кха, кха, кха... — И ноги сами уносят товарища Стелькина подальше от заколдованного места, а в цехе ничего не меняется.

Спрашивай — отвечаем

«Делают у нас в цехе деревянные футляры под инструменты и режут поролон на вкладыши в эти футляры. От вкладышей остаются обрезки. Куда мы их используем? Да куда! Кому окна заткнуть, кому в подушку, кому одежду чистить, а иногда просто выбрасываем. Вот и я набрала довольно больших обрезков, уложила в бумажный мешок и понесла через проходную, не взяв пись-

менного разрешения у мастера. В проходной, конечно, меня задержали. Приказом директора завода объявили мне выговор. С этим я была согласна. Но спустя год оказалось, что меня лишили и тринадцатой зарплаты. Вот с этим я не согласна и очень обижаясь...»

г. Новосибирск.

Т. П.

— Правильно, что обижаетесь. Только на кого? Ведь стоило вам поделиться с руководством предприятия опытом использования этих «никому не нужных» обрезков, глядишь, не только тринадцатую зарплату, но, возможно, и дополнительное вознаграждение за рациональное предложение могли бы получить. Обидно...

«Правильно ли лишили меня тринадцатой зарплатой на сто процентов, если нарушений трудовой дисциплины у меня нет, а было только нарушение общественного порядка и за это я уже понес ряд наказаний: уплатил за медвытрезвитель, уплатил штраф, наложенный начальником отдела милиции, а теперь еще и это наказание...»

В. УСТИНКОВ.

г. Владивосток.

— Сочувствуем на сто процентов. Но по секрету советуем больше не нарушать общественного порядка.

КТО ВИНОВАТ?

ПЕРСОФИЛЬМ
СОЗДАН ПО СЦЕНАРИЮ
ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ
Н. ДУНИЛОВОЙ
ИЗ ПОСЕЛКА КОМСОМОЛЬСК,
КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

— Клава, одолжи пятерку, но только моей Ане ни гугу!

— Аня, одолжи пятерку, но только моей Клаве ни слова!

— Наши опять набрались! И где только они деньги берут!

КРЫЛАТЫЕ ДОКТОРА

Множество зверей, птиц, насекомых находят себе приют под гостеприимным пологом леса. Но не все они платят за добро добром. Есть у леса квартиранты — враги, особенно много их среди насекомых. Одни объедают корни растений, другие грызут стволы и стебли, третьи едят листья, четвертые уничтожают семена. Когда коварных недругов становится слишком много, лес болеет, а порой даже гибнет. И первыми защитниками его от прожорливых насекомых всегда были птицы.

Дрозды, соловьи, красногрудые зорянки неустанно следят за чистотой лесной почвы, ее травяного, хвойного и листового покрова. Именно здесь развиваются личинки и куколки многих насекомых. Большинство из них находит конец в клювиках пернатых охотников. Добывая корм под сенью ветвей, такие птицы имеют большие темные глаза, как у ночных животных: ведь они должны хорошо видеть даже при самом плохом освещении.

Лесной кулик-вальдшнеп отыскивает свою добычу не только с помощью зрения. Червей и личинок, укрывшихся в земле, извлекает он своим длинным чувствительным клювом. Крохотная серовато-коричневая пищуха с изогнутым, как сапожное шильце, клювом — специалист по очистке стволов деревьев. Вот она прилепится к основанию дерева, поднялась по стволу, запустит клювик в каждую подозрительную щелочку, и тут же слетела вниз, чтобы обследовать детально соседнее дерево.

Шустрый голубовато-серый поползень и пестрый дятел — работники того же профиля.

Это настоящие лесные хирурги: мало того, что достанут из щели затаившегося вредителя, снимут и пораженный участок коры, раздолбят трухлявую древесину.

Самый крупный из дятлов черный, или желна. Своим могучим клювом он полностью сбивает кору с засохших, пораженных короедом деревьев. Желна превращает в щепки сухие пни и колоды, выбранные древоотцом для жительства. Эта птица работает грубо, но эффективно, словно энергичная бригада санитаров.

Обыкновенная, или большая, синица склевывает насекомых в лесной подстилке, заглядывает в щели на коре, вскрывая крепким клювиком подозрительные места под ней, умеет растереть лист или кокон с куколками вредителей. Нелегко укрыться от быстрых черных глаз синицы и ее трудолюбивого клюва, которым птица действует и как долотом и как пинцетом. Да еще простукивает кору, чтобы на слух определить пораженное вредителем место. Эта пичуга одинаково уверенно чувствует себя и на земле и на ветках. Она умеет карабкаться по стволу не хуже поползня, осматривает сучки сверху и снизу, повисая для этого вниз спинкой. Только тонкие веточки ей неудобно осматривать. Это входит в специальность птиц помельче.

Синицы гаички, лазоревки и москотовки, столь же одаренные охотники и верхолазы, уничтожают насекомых, их личинки и яички на зыбких ветвях. А самыми тончиками веточек занимаются королики, наши северные колибри. Весят они пять граммов, умеют удерживаться даже на тончайшей колыш-

щейся ветке плакучей березы, собирая на ней тлей и щитовок. Казалось бы, в чем душа держится у этих крошечных нежных птах, а вот не улетают они от нас на зиму. Непонятно, как переносят королики тридцатиградусные морозы и длинные зимние ночи.

Длиннохвостые синицы — соперники корольков по микроочистке деревьев, с помощью длиннейшего хвоста-балансира они сохраняют равновесие, повисая на ветвях в самых неудобных позах.

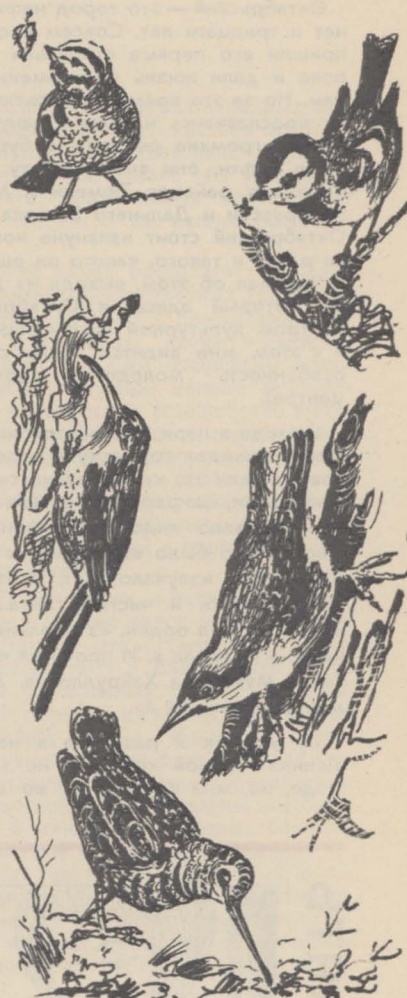
Летающих насекомых ловят в воздухе мухоловки, горихвостки, стрижи и ласточки.

Плодовиты и многочисленны насекомые, живущие за счет леса, но отважные защитники сводят их вред к минимуму. Оно ста пятидесяти деревьев за час обследует длиннохвостая синица. Более пятисот порций корма в сутки приносит птенчикам мухоловка-пеструшка, а в каждой порции до двух десятков насекомых. Примерно десять миллионов мелких вредителей склевывает в течение года крошечный королек.

А ведь многие птицы действуют как бы бригадным методом, отыскивают корм выводками, стайками, а порой и сотенными стаями. Трудно вредителям укрыться от такой санитспекции.

Во многих лесничествах, где люди заботятся о привлечении птиц и помогают им в каждое время года, удалось полностью отказаться от применения ядохимикатов для борьбы с насекомыми. Эту заботу взяли на себя крылатые доктора леса.

В. ГУСЕВ,
биолог-охотовед

СОЛНЫШКО

Этого безобидного жучка знают, пожалуй, все. Величиной с половину горошины, ярко-красный, с черными крапинками, он в середине лета встречается повсюду. Иной раз в жарчий полдень идешь по городской улице, а жучок вдруг доверчиво садется на плечо или руку, неторопливо втянет под хитиновый покров мягкие, прозрачные крылышки и замерет, словно решил отдохнуть перед новой дорогой.

Зовут его в народе по-разному, но всегда ласково: кто божьей коровкой, кто солнышком. За яркую раскраску и мирный нрав особую любовь проявляют к жучку дети. Посадят на ладошку и напевают: «Солнышко, солнышко, дам тебе хлеба, полети на небо. Там твои детки кушают котлетки...» Побегает жучок по ладошке, по пальчикам, потопчется на месте и вдруг, раскинув крылышки, полетит в сторону солнца.

Но мало кто знает, что божья

коровка приносит огромную пользу людям, что охраняет она от вредителей сады и посева, уничтожая тлю. Ту самую тлю, которая тысячами селится на молодых побегах растений, соест соки из листьев, заставляя их скручиваться, сохнуть и погибать.

Борются с тлей нелегко: защищает ее восковой покров, отталкивающий воду. Поэтому не каждое опрыскивание растворами ядохимикатов способно погубить тлю. Зато от божьей коровки для тли спасения нет. И в этом мне пришлось однажды самому убедиться.

Осенние холода подкрались как-то неожиданно. Еще с утра по-летнему грело октябрьское солнце, а к вечеру подул резкий северный ветер, предвещающий ночь мороз. Вот и пришлось спешно переносить в дом комнатные цветы, что все лето не жились под открытым небом... Прошло несколько дней. И

вдруг кто-то из домашних заметил, что одно из растений поражено тлей. Мелкие-мелкие голубовато-зеленые насекомые буквально устилали нижнюю поверхность молодых листьев, а землю в горшке словно кто-то присыпал сигаретным пеплом. Обнаружили мы тлю и в других цветочных горшках. Очевидно, она собралась зимовать, но, попав в благоприятные условия, дала новое потомство.

На дворе уже стоял январь, а в доме все еще шла война с вредителями. Временами казалось, что бой окончательно выигран, но проходило немного времени — и враг снова то тут, то там атаковал растения. Правда, ядохимикатов мы не применяли, боялись повредить цветы. Тлю давили, смывали водой, однако она не переводилась. Вот тут-то и произошло событие.

За окном вьюжило. Мы сидели в жарко натопленной кухне за обеденным столом. Неожиданно маленькая дочь с радостным криком заколотила чайной ложкой по подоконнику. По нему ползла божья коровка. На дворе снег, мороз — и вдруг это добродушное красное, с черными крапинками насеко-

мое... Казалось, в комнату заглянуло солнышко.

Проголодавшаяся божья коровка буквально носила тлю. Она переползала с листочка на листочек, перебиралась с одного цветка на другой, обследовала каждый росток, поедая вредителей. За несколько дней полезное насекомое сделало то, чего мы не могли добиться за два месяца войны. Потом и сама божья коровка куда-то исчезла.

На дворе уже пахло весной, звенела мартовская капель, когда насекомое появилось снова. И снова первой его заметила дочка.

Как и в первый раз, божья коровка почему-то снова оказалась на подоконнике в кухне. Она ползла вяло, останавливалась, словно что-то искала. «Голодная», — подумал я. И, опустив кончик вилок в айвовое варенье, провел черточку на подоконнике. Букашка припала к сладости. Было видно, как розовая липкая полосочка медленно таяла.

Улетело солнышко теплым апрельским днем, когда зацвели сады.

Ю. КОНОНЕНКО

КРАСИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Октябрьский — это город нефтяников. Ему нет и тридцати лет. Совсем вроде недавно пришли его первые строители на Шайтан-поле и дали жизнь белокаменным кварталам. Но за это время октябрьские нефтяники прославились на всю страну. Они установили громкие рекорды в бурении и добыче нефти, они внесли лепту в освоение нефтяных районов Тюмени и Мангышлака, Белоруссии и Дальнего Востока. А сегодня Октябрьский стоит накануне нового размаха работ и такого, какого он еще не знал...

Я думал об этом, выходя из Дома техники, который здесь, в Октябрьском, стал центром культурной жизни города (кстати, и в этом мне видится очень современная особенность молодого промышленного центра).

У входа в парк, где расположен Дом техники, я увидел городскую доску почета. С нее глядели те, кто оставил славу города. Нефтяники, шоферы, строители... И тут меня привлекло лицо необычайной чистоты. Оно словно было выковано из серебра и прямо-таки излучало свет. И эта седина, и высокий лоб, и чистые глаза... На груди женщины был орден. «Учительница или ученый», — подумал я. И прочитал подпись: «Ганеева Мукарама Хайруллоевна. Дворник домоуправления № 4».

Ее участок я разыскал в начале улицы Ленина — самой красивой не только в городе, но, мне кажется, и во всей Башки-

рии, если не считать Первомайской улицы в Уфе.

Улица эта светла и торжественна. Архитекторы и строители сделали здесь свое дело и ушли. Улица живет дальше самостоятельно, и за ней присматривают дворники, ежедневно подчищают ее, следят за ее внешностью, заботятся о ней. Работа у дворников нелегкая. И не часто они слышат слово благодарности.

Мукарама-апа эту работу делает тринадцать лет. Жизнь ее нелегкая была. Едва родила дитя, умер муж. Вышла замуж еще раз — второй погиб на войне. Мукарама то возвращалась в родную деревню, то работала уборщицей в различных учреждениях. Видно, она была красивой и привлекательной, если в беспощадном, вдвоем сорок шестом году взял ее с двумя детьми на руках этот, третий по счету муж. С ним Мукарама-апа прожила четверть века, родила еще двоих детей. Подросли дети, решила работать. Когда пришла в домоуправление, ей сказали: берем с испытательным сроком.

«Все силы приложу», — пообещала Ганеева. А ей ответили: «Многие так говорят, когда поступают...»

— Дала я себе слово: не осрамиться, доказать, что не пустобрех. Работала ото всей души, — рассказывает мне Мукарама-апа.

Говорила она высоким, чистым слогом, которому мог бы позавидовать и человек моей профессии, литератор. Мне редко доводилось слышать, чтобы так значительно говорили люди о своей работе.

О Ганеевой мне уже успела кое-что рассказать Валентина Урманова, старший инженер домоуправления.

— Какая бы ни была погода, какой бы мороз ни стоял на улице, она всегда на посту. Еще и других подтягивает. А те порой (ведь всякие люди бывают) огрызаются.

Ганеева действительно никогда не считается со временем: «Я не на часы смотрю, а на свой участок». И, надо сказать, не только на свой: если она видит, что подружки не успевают, «вторгается» на их территорию и помогает им.

Это ее отношение к труду. С ним связано и ее отношение к красоте.

— Очень люблю цветы. По всему городу хожу и собираю семена. Потом высаживаю на своих газонах цветы и деревья. («Мы целый лес у себя высадили, — встала слово Урманова. — Наверное, больше тысячи деревьев растет теперь, а ведь был пустырь»). На улице Горького у меня есть любимая березка. Я сама ее посадила... На другие выливаю по ведру воды, этой — два... Устану, сяду возле моей березки и разговариваю с ней. Как младшую дочь на ноги поставить, думаю. Как бы болезни не одолели, думаю. Я ведь никогда не болела, а в последнее время пришлось два раза брать бюллетень: годы... А если меня не станет, кто будет поливать мою березку? Будет ли она цвести так же, как при мне, будет ли она такая же крепкая да ладная, как сейчас?..

ской женщины того времени. Он предвидел, что дорога по ступенькам веков будет для этой женщины многотрудной и многострадальной и потому его гений выделил в Ярославне любовь и отчей земле, преданность сердца и терпеливость. С этим и вошла русская женщина в литературу.

А потом были Пушкин, Некрасов, Толстой и Горький. Не потеряв своих изначальных черт, образ женщины обрел, казалось бы, полную завершенность.

Но брались за перо новые люди, принадлежавшие уже к другому времени, и характер русской женщины-гражданина продолжал развиваться.

В мире социализма сложился новый женский характер, в котором черты гражданственности выступают с небывалой яркостью.

Таковы и героини книги Надежды Малыгиной «Двое и война», вышедшей в Воениздате в 1973 году. В ней две повести: «Четверо суток и вся жизнь» и та, название которой вынесено на обложку книги. История той и другой героини — это история их любви, не оборвавшейся, не погибшей вместе с гибелью любимых.

В этом сходство двух повестей, двух судеб. Потому и читается книга так, будто это две вариации на одну тему.

Довоенная жизнь Елены Евстигнеевой протекает в небольшом городишке, в семье, где еще крепко сохраняются старые устои и обычаи. Вся многочленная родня навалилась на Елену, прохода не дает за то, что, не выдержав домостроевского быта, она ушла вместе с маленькой дочкой из дому. Но Елена тверда в своем решении.

С началом войны перешел на военные рельсы завод, на котором работает Елена. Не жалея сил, помогает она народу и армии в битве с врагом.

Однажды в ее ветхий домин определили на постой только что выписавшегося из госпиталя старшего лейтенанта. Ничем особым он не отличался. И даже не сказать, что красивый. Но такого доброго и внимательного,

так понимающего женскую долю человека Елена еще не встречала.

Четыре дня прожил в ее доме военный. И не было у них ничего — только сердечность друг к другу. Но вот он уехал, и Елена поняла: он-то и есть тот самый единственный человек, которого, не зная еще, она любила уже давным-давно, а теперь будет любить до конца жизни.

Сначала были письма. Потом аттестат. Письма и аттестат.

Потом писем не стало. Убили? Но похоронки нет. Извещения, что пропал без вести, тоже, значит, можно надеяться, можно ждать.

Шаг за шагом описывает Н. Малыгина, как «стучится» ее героиня в различные инстанции — ищет следы затерявшегося на дорогах войны старшего лейтенанта Ивана Плетнева, рожденного в Смоленской области. Больше она о нем ничего не знает. И потому молчат инстанции. Тогда автор собирает ее в дальнюю поездку: уже немолодая женщина впервые покидает свой город и едет на места бывших сражений.

«Четверо суток и вся жизнь» — это повесть не о четырех днях любви двух молодых людей, а о долгой жизни одинокой женщины, пронесшей свою верность в любви к человеку, погибшему еще зимой 1941 года.

Малыгина рассказала нам одну из тысяч похожих историй. И мы встречали таких — теперь уже пожилых женщин. И знаем, что иные думают о них со снисходительным сожалением, а кто-то с раздражением. Мол, что за жизнь устроили они сами себе? Кому это нужно? Кто оценит это их горькое праведничество?

Как бы опасаясь столь резкого суда над своей героиней, Н. Малыгина поместила в книжку вторую повесть — «Двое и война». Она словно стремится уравновесить характеры своих героинь и даже в чем-то полемизирует с первой повестью.

В повести «Двое и война» все обыденнее.

СОКРОВИЩА ЛЕСНОЙ АПТЕКИ

А Урманова по какой-то неуловимой но, однако же, неотразимой логике вспомнила дни, когда она слегла с тяжелой болезнью сердца, а Ганеева каждый день приносила ей любимые цветы — астры. Еще вспомнила случай, когда надумала перейти на другую работу. Собрала Ганеева своих подруг, и пришли они, очень решительные, в контору домоуправления, просить Урманову остаться, а потом вместе с ней же и заплакали. Что с ними поделаешь, с женщинами!

— У вас, наверное, и дома большой сад? — спрашиваю Мукараму-апа.

— Есть вишня, крыжовник есть. Две яблоньки, маленькие, дикие. Каждую весну цветут, а яблоки и не пробовала, думаю, что кислые...

Светло и чисто смотрит на мир эта женщина. Чутко улавливает ход жизни, умеет мыслить большими категориями. И ни одной нотки раздражения или брюзжания не услышал я от нее, хоть досталась ей нелегкая жизнь.

— Знаю, что такое голод, пережила военное лихолетье. Иные жалуются: того, мол, нет, этого не хватает. Оглянувшись бы на прошлое, сравнили бы то, что есть, с тем, что было... О работе нашей думаю. Она стала вдвое легче, техника помогает, а платят, если сравнить, вдвое больше прежнего. Откуда-то ведь надо государству достать эти деньги, они же у него не лежали лишними в кубышках!

Про дочку свою сказала:

— Хорошая она у меня, красивая. — И добавила: — Комсомолка.

Когда я после встречи с Ганеевой снова шел по улицам Октябрьского, его дома, его стены отсвечивали для меня серебром ее седины, окна светились ее доброй улыбкой, улицы распахивались, словно ее широкая и красивая душа.

Рамиль ХАКИМОВ

Ее главной героине Любаше свойственна широта в отношении к окружающим, в понимании, что люди в тех или иных условиях могут и оступаться и делать глупости, и это не должно быть предметом сурового и беспощадного осуждения. Она понимает, что не всякий жизненный компромисс аморален и противоестествен.

Любаша находит в себе силы простить любимого, который, не дождавшись, пока она подрастет (Люба еще в школе училась, когда он уже был лейтенантом), женился. Любаша прощает ему и то, что женился он не по любви, а «по обстоятельству». И что, несмотря на рождение сына, оставил жену, вернее, не противился ее уходу.

И наконец, она, попав на фронт и встретив там после долгой разлуки любимого, соглашается на «военную свадьбу» — без загсовых церемоний — в землянке и выходит замуж за человека, с детства ею обожаемого.

Но вскоре он погибает. А Любаша после войны, после долгих лет памяти о нем и одиночества все же вторично выходит замуж.

Нет, никогда бы не пошла на такое Елена Евстигнеева, окажись она на месте Любашки. Не тот у нее характер! Иначе она понимает жизнь и иначе живет!

Очень они разные — Елена и Люба. И то, что считает невозможным одна, возможным считает другая. И осуждать здесь ни ту, ни другую нельзя. Обе они поступают в соответствии со своими представлениями о долге перед памятью павших, и долг этот каждая в своем понимании выполняет свято.

Наверно, Люба легче для окружающих, чем Елена. Но и Елена нужна людям. Она не дает им забыть о великих бедах и горе, которые принесла с собой война. Почти тридцать лет прошло с тех пор, как она закончилась, но пережившие ее должны помнить о ней, а родившиеся после войны должны о ней знать.

Этой заботой проникнута книга писателя-воина Надежды Малыгиной.

Ю. ВЛАДИМИРОВ

С трав начиналась медицина. Древние знахари и ведуньи знали толк в лекарственных травах и успешно использовали их для врачевания недугов. Известна была эта наука и на Руси. Много хранится в народной памяти легенд и историй о чудесных исцелениях. В летописях сказано, например, как вылечили от кровотечения из носа соком травы тысячелистника внука Дмитрия Донского, князя Дмитрия Юрьевича. Как девица Феврония травяной мазью исцелила муромского князя Петра... Наверное, что-то было и на самом деле, а чего-то не было. Но то, что травяное лечение пользовалось в народе доверием, это бесспорно.

Знания о целебном действии растений возникли у древних врачей на основе наблюдений над животными. Известно, например, что кошки и собаки, заболев, сами разыскивают среди множества трав целебные и едят их, чтобы выздороветь. Олени-маралы подкапывают и едят корни растения левзея. Сотрудники Новосибирского медицинского института установили: настойка этого корня тонизирует и стимулирует нервную систему, хорошо действует против переутомления, общей слабости, улучшает работу сердца и регулирует кровяное давление. Корень этот — его так и называли «мараловым» — сейчас можно купить в наших аптеках.

О целебном действии некоторых растений напоминают их названия. Валериана — латинское «валера» — означает «быть здоровым». Чистотел — латинское «хелидоний» — «дар неба». Зверобой — от казахского «джербай» — «целитель ран». В деревнях и поныне на чердаках сушатся зверобой, тысячелистник, девясил, спорыш, чистотел, пустырник, боярышник, полынь, чабрец.

Да и мы, горожане, знакомы с действием таких трав, как ромашка, шалфей, мята, медвежье ушко, и охотно пользуемся ими. Общеизвестно, что валериана успокаивает нервную систему, малина — верное средство от простуды, черника помогает при поносе, что маленьких детей полезно купать в череде для лечения золотухи да и просто, чтобы кожа была чистой. А любимое всеми алоэ, украшающее так много подоконников, применяется при разных болезнях.

Во Франции в аптеках продается ромашка — пакетиками по 6 граммов, как раз заварка на чашку кипятка, — прекрасное средство против усталости, переутомления. Большим спросом пользуются и зерна горчицы, помогающие регулировать работу желудка.

Доктор Н. А. Бубнов в клинике профессора С. П. Боткина еще в прошлом столетии ввел в медицину горчицу — лекарство, оказывающее неоценимую помощь при лечении сердечно-сосудистых и почечных заболеваний. Профессор Ф. И. Иноземцев добился признания майского ландыша, применив его для лечения невроза сердца. А английский врач Уайтерсгорн, случайно обнаружив у знахарки лекарство из наперстянки, положил начало созданию множества сильнейших современных средств для лечения сердечных заболеваний.

Не все знают, что спутник пожилых людей «валидол» — продукт листьев мяты, а основой популярных «папаверина» и «кодеина» является мак. Около 40 процентов всех лекарств, применяемых современной медициной, готовится на растительной основе.

Медицинская наука располагает немалыми сведениями о лекарственных травах.

Их действие изучают в специальных лабораториях и клиниках, научно-исследовательских институтах, им посвящены сотни научных работ. Научные данные подтверждают, что предки наши безошибочно выделили из великого зеленого братства полезные, целебные растения и верно определили их действие на организм. Более 150 видов растений из 400, признанных в народе лечебными, получило, так сказать, официальное признание и используется в нашей медицинской промышленности.

По данным ботаников, в нашей стране известно более 17 тысяч видов растений, и 400 из них считаются лекарственными. Почти все они произрастают в Европейской части СССР и на черноземных почвах Украины. Богаты ими леса, занимающие чуть ли не половину нашей страны. На севере заготавливают такие ценные растения, как ликоподий (плаун), спорынья, крушиновая кора. В безлесной тундре обильны лечебные лишайники и мхи. Даже пустыни Средней Азии вносят свой вклад в сокровищницу зеленой аптеки: там растет в огромных количествах солодковый (лакричный) корень, входящий во все лекарства против простуды, кашля, а также цитварное семя (соцветия цитварной полыни), из которого добывают сантонин.

Наука не ограничивается изучением трав, применяемых в народной медицине, а всемерно расширяет и обогащает их перечень. В последние годы советские ученые открыли в разных уголках страны неизвестные ранее лекарственные растения. Вот несколько примеров. Астрагал (он растет на Украине), как выяснилось, расширяет кровеносные сосуды, помогает при стенокардии и гипертонии. Желтушник (растение, известное в Сибири и Казахстане) применяется при неврозах и пороках сердца, а кавказский крестовник — при желудочно-кишечных заболеваниях. Популярный в Приморье и Амурской области лимонник — общеукрепляющее средство, особенно полезное при сильном переутомлении.

Но при всем нашем восхищении целебной силой трав не нужно считать их чудодейственными, так сказать, панацеей от всех бед.

Сейчас все, вероятно, знают, что не следует злоупотреблять таблетками и порошками. «Но ведь это химия, а от травы вреда не будет; чем больше, тем лучше», — рассуждают некоторые. Неверно. Травы — те же лекарства, они далеко не безразличны организму, поэтому принимайте их только по совету врача, умеренными дозами и с перерывами.

Л. ВОЛОДАРСКИЙ

Зеленая косметика

Зеленая косметика, которую в изобилии дарят нам леса и сады, полезна для кожи, волос, позволяет дольше сохранить молодость и свежесть.

Из растений готовят настои (на водке, спирте), настои (измельченные растения настаивают на горячей воде), отвары (растения кипятят в воде, желательно на пару).

Применение лечебных трав в косметике — одна из самых богатых и интересных ее страниц. Тут еще не все исследовано до конца, но несколько простых рецептов может использовать каждая из нас.

■ Вы заметили, что у вас появилась перхоть, волосы быстро сальтятся, стали падать. Попробуйте втирать в кожу головы один из этих составов:

1 столовую ложку измельченного полевого хвоща и 1 столовую ложку цветов арники залейте двумя стаканами кипятка, прокипятите, дайте остыть и потом процедите. Втирайте через день, за час-полтора до сна.

Выкопайте кустик костяники вместе с корнем. Измельчите корень, добавьте корень змеи. Приготовьте отвар и втирайте, как сказано выше.

100 г мелко измельченных листьев и 100 г корней крапивы залейте половиной литра столового уксуса и половиной литра водки пополам с водой и проварите в течение получаса. Когда отвар остынет, процедите. Втирайте ежедневно.

■ Если кожа и волосы очень сухие, может помочь репейное масло. Соберите осенью корни лопуха (одногодичного или двухгодичного), измельчите, залейте растительным маслом (ложку масла на ложку измельченных корней). Настаивайте в течение двух недель, а затем два раза в неделю втирайте в кожу головы.

■ Из трав можно приготовить и воду для ополаскивания волос после мытья. В июне — июле, когда цветет липа, соберите две-три горсти соцветий, залейте двумя литрами горячей воды, дайте постоять минут сорок, затем процедите. Этот отвар хорош для сухих и нормальных волос. Если же волосы сальные, можно в воду для полоскания добавить процеженный настой из свежих или сухих шишек хмеля, листьев крапивы и плодов рябины (по 1 столовой ложке на 3 стакана кипятка).

Если хотите, чтобы волосы посветлели, стали более блестящими, смешайте в равных количествах цветы ромашки с цветками подсолнечника и барбариса, заварите, как чай, крутым кипятком, настаивайте 30—40 минут, затем процедите и добавляйте в воду для полоскания.

■ Летом очень полезно умыться водой, в которую добавлены настои липового цвета

или листьев малины (1 чайную ложку залейте стаканом кипятка). После такого умывания на влажную кожу нанесите крем, соответствующий вашей коже. Предварительно разотрите его между ладонями, а затем мягкими движениями наносите от середины лба к вискам, по щекам от носа, от внутреннего угла глаза по верхнему веку к наружному углу, а затем по нижнему веку — к носу. Через 10—15 минут излишки крема промокните бумажной салфеткой.

■ Если кожа лица очень сухая, раздраженная, протирайте ее масляным настоем зверобоя (1 часть цветов настоять в 2 частях растительного масла в течение 3 недель).

Можно также делать косметические маски для лица из свежих измельченных листьев малины, ежевики, калины, мать-и-мачехи. Маски накладываются на смазанную жирным кремом кожу на 10—15 минут.

Для сальной, склонной к воспаленным угрям кожи особенно полезна маска из мелко измельченных листьев подорожника (смазывать после этого лицо кремом не нужно).

■ Если вас укусила пчела или оса, смажьте место укуса свежим соком цветков календулы (ноготков) либо приложите измельченные листья подорожника.

■ Если локти и пятки стали грубыми, сделайте ванночки с отваром донника в течение полчаса. Затем надо смазать локти и пятки каким-либо жирным кремом.

■ При повышенной потливости принимайте водный настой листьев шалфея (1 чайную ложку измельченных листьев заварить 2 стаканами крутого кипятка, настоять в течение 30—40 минут, процедить). Пейте по 1—2 столовые ложки 2 раза в день в течение 2—3 недель.

■ При потливости ног помогают ванночки с отварами дубовой коры, свежих листьев березы или хвоща полевого.

■ Водный настой шалфея может избавиться от болезненных трещин в углах рта. Аккуратно смазывайте их один-два раза в день ватным тампоном.

■ Если появились бородавки, попробуйте смазывать их 4—5 раз в день свежим соком стеблей одуванчика или же соком стеблей чистотела, свежим срезом молодой картошки, чеснока. Народная медицина советует также прикладывать к бородавкам печеную луковичку.

Врач Л. ГОРДИНА

Если делать по науке

А я — в химчистку!

На новой нарядной кофточке появилось пятно. «Немедленно под струю горячей воды!» — советует кто-то. «Что вы, такие пятна выводятся соком лимона». «Нет, уксусом... «Ацетоном»... «Бензином»...

Все готовы дать совет. И не мудрено! Уже многие десятилетия книги по домоводству, газетные и журнальные рубрики типа «Сделай сам», «Хозяйке на заметку» учат справляться с такими маленькими происшествиями подручными, домашними средствами. Но за эти же десятилетия во всех городах страны появились современно оборудованные фабрики химической чистки одежды, да и сама одежда изменилась: ее шьют и вяжут из волокон и материалов, о которых раньше и не слышали. Что ни год, то новая ткань, новый вид трикотажа. Не удивительно, что старое, испытанное средство удаления пятен, которым хозяйка пользовалась «всю жизнь», вдруг дает осечку: ткань расплывается, а пятно закрепляется намертво.

Многие предпочитают вывести пятно ацетоном, не зная о том, что он растворяет ацетатные, триацетатные, хлорининовые, полихлорвиниловые волокна. Иногда применяют уксусную кислоту, которая тоже разрушает ацетатные и триацетатные волокна.

Свежие жировые и масляно-смоляные пятна легко удаляются растворителями типа бензина. Однако вокруг пятна часто остается ореол, который исчезает только после химчистки.

Пятна молока и прочих про-

дуктов, содержащих белки, необходимо немедленно смывать теплой, но не горячей водой. Иначе белок «заварится» и с пятном справиться труднее. Теплой водой смывайте и пятна от вина, ягод, фруктов, соков. Кровь смывайте только холодной водой.

Труднее всего удалять чернильные пятна. Все рецепты и советы, переходящие от бабушек к внучкам, давным-давно устарели. Они ведь относились к чернилам, изготовленным на других красителях, чем те, что применяются сейчас. Современные чернила, которые прочно окрашивают волокна шерсти и натурального шелка, изготавливаются на основе кислотных красителей. Поэтому использование кислот приводит не к удалению пятна, а к его закреплению. Высокая температура также укрепляет пятно. Только сложные композиции, в которые входят растворители, моющие средства, рассеивающие и прочие средства, применяемые на фабриках химчистки, избавляют от чернильных пятен. Опять же чем свежее пятно, тем легче с ним справиться.

На современных кофточках, костюмах, платьях, пришита маленькая марка — значок, который указывает, как нужно стирать, гладить, чистить тот или иной материал. В 1971 году был введен ГОСТ, который обязал всех изготовителей одежды проводить такую маркировку. «Читать» эти значки несложно — кстаи, на страницах «Работницы» рассказывалось, как это делать.

Вы гладите брюки или юбку из ткани с нитью типа лавсан. Гладите, как привыкли, раскаленным утюгом, через мокрую тряпку, так, чтобы пар шел. Брюки выглядят прекрасно, складка остра, как бритва. Вы довольны. Но проходит время, и вы замечаете, что после химчистки на брюках появились белесые пятна и полосы. Вы возмущены «плохой работой» химчистки, а фабрика здесь ни при чем, виноват ваш раскаленный утюг. От воздействия высокой температуры лавсан расплавляется — и прежде всего на тех местах, к которым вы особенно сильно прижимали утюг — на стрелках брюк, на карманах, ладнах пиджака. А при чистке органический растворитель вымывает краситель с расплавленных волокон, и лавсан в этих местах как бы выцветает, становится белесым — это уже, к сожалению, непоправимо.

Нужно быть очень осторожным и при глажении изделий из волокон типа нитрон. Под воздействием высокой температуры краситель (особенно серо-голубые тона) разрушается и появляются белесые пятна. Нельзя стирать такие вещи в горячей воде: волононо становится пластичным и вещи неоправимо деформируются — садятся или, наоборот, вытягиваются. Вот поэтому значки предупреждают: стирать в теплой (до 40°C) воде, не отжимать, не выкручивать, сушить, разложить на столе, и ни в коем случае не гладить.

Мы любим трикотаж, с удо-

вольствием его носим. Но, как правило, совершенно не умеем за ним ухаживать. Кофточки из чистой шерсти, а также полушерстяные и с люреком плохо переносят традиционную домашнюю стирку: деформируются, сваливаются, теряют цвет, блеск люрекса. Поэтому мы рекомендуем трикотажную одежду только чистить. Исключение — вещи из нитрона, эклана, кашмилона, орлона. Они хорошо стираются.

Два слова об искусственном мехе. Вид обработки зависит от состава ворса, его длины, характера, а также от основы меха — тканная она или трикотажная. Все это может учесть только специалист. На современных предприятиях химчистки искусственный мех проходит несколько стадий обработки: чистка меха, расчесывание на специальных машинах, восстановление блеска ворса, глажение. После такой обработки нейлоновые пальто выглядят совсем новым, как из магазина.

Лучше не устраивать химчистку на дому. Чем раньше вы обратитесь за помощью к специалистам, тем больше прослужит ваша одежда. Фабрика химчистки избавит вас и от мелких бытовых хлопот, причиняющих порой большие неприятности.

Л. ШУЛЬМАН,
начальник отдела химии
института бытового
обслуживания населения
Белорусской ССР,
В. БАДАНИН,
главный специалист отдела

Мода — это не только глянцево-картинки в журналах и изящные манекенщицы на просмотрах. Мода — то, что мы с вами шьем, покупаем в магазине, носим. Мода рождается в фантазии художника, осуществляется теми, кто шьет одежду, но даем ей жизнь мы, заказчики и покупатели.

Интересными были пресс-конференция и просмотр в Общесоюзном Доме моделей одежды, посвященные открытию сезона «Весна — лето 1974». Вопреки традиции, здесь показывали не только «высокую моду» далекой перспективы, но вполне реальные платья, пальто, костюмы, которые внедрены в производство и скоро появятся на прилавках магазинов.

— В последние годы моделирующие организации подверглись острой (и справедливой) критике за создание коллекций, оторванных от реальных возможностей швейных и текстильных предприятий, — сказала на пресс-конференции начальник Главного управления швейной промышленности Министерства легкой промышленности СССР Г. П. АНТОНОВА. — Коллегия Министерства неоднократно обсуждала вопрос о необходимости перестройки работы домов моделей с тем, чтобы они действовали в тесном контакте с промышленностью. Теперь мы этого добились. По новому порядку бригады художников закрепляются за швейными фабриками и разрабатывают модели непосредственно для них, учитывая особенности массового производства, технологические возможности, обеспеченность тканями и фурнитурой. Такая система, как нам кажется, поможет значительно повысить качество и расширить ассортимент швейной продукции. Уже в прошлом году с конвейеров сошло вдвое больше изделий с государственным Знаком качества и маркой «Н», то есть новинок, наиболее модных вещей.

МОДА ИДЕТ НА КОНВЕЙЕР

— Наши художники взяли шефство над тремя крупнейшими столичными швейными предприятиями: производственным объединением «Женская мода», фабриками «Москвичка» и «Космос», — сказал директор Общесоюзного Дома моделей В. И. ЯГЛОВСКИЙ. — Мы и раньше предлагали фабрикам наши модели, но теперь делаем специально для них, и не отдельные вещи, а сезонные коллекции, связанные единым стилем, единым решением силуэтов и предназначенные для всех возрастных групп.

Образцы продукции столичных фабрик, созданные по разработанным для них моделям, — нарядные, современные и в то же время практичные пальто, платья, летние ансамбли, брючные костюмы были с одобрением приняты присутствующими на просмотре. (Некоторые из этих моделей вы видите на наших фотографиях.)

Забота об ассортименте швейных фабрик не снимает с художников-модельеров их традиционной задачи: создавать направляющую коллекцию, угадывающую тенденции развития моды завтрашней, ее поиски.

Заместитель главного художественного руководителя Дома моделей В. М. ЗАЙЦЕВ рассказал о новых тенденциях моды и показал несколько перспективных экспериментальных моделей. В них не было ничего ошеломляющего и необычного. Мода как бы замедлила свой бег, как сказал В. М. Зайцев, может быть, это временное затишье перед крутым поворотом, а может быть (так хотелось бы думать!), мода начинает приспосабливаться к четкому, деловому ритму нашей жизни. Ведь при всем уважении к моде современные женщины не склонны слепо ей следовать, отбирают из ее предложений лишь то, что соответствует их вкусам, возрасту, образу жизни.

Главная черта новой моды — ее «повзросление». Резкое, кричащее, экстравагантное не в моде. По-прежнему преобладают четыре основных силуэта: приталенный, полуприталенный, трапеция и прямой, причем последний, основательно забытый нами, становится все популярнее. Талия на естественном месте или чуть выше. Модны крупные воротники на стойке, с лацканами, карманы, кокетки, отстроченные детали. По-новому выглядит линия плеча — расширенная, выпрямленная и закругленная на конце — так называемая «арка».

Найдем мы перемены и во всем облике женщины. В моде «маленькие головки» — короткие стрижки и гладкие прически с небольшим узлом низко на затылке, никаких взбитых начесов и сложных сооружений на голове. Шапочка тоже маленькая: берет, чалма, шляпа с небольшими полями. Туфли на «платформе», по видимому, уходят из моды, это всех порадует, потому что ходить на сверхтолстых подошвах, честно говоря, тяжело и неудобно. Самая модная обувь — классические «лодочки» на среднем каблуке без пряжек, застежек и шнуровок. Опять стали носить украшения — крупные бусы и клипсы.

Т. КОСТЫГОВА
Фото Н. Маторина.

В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ

«Дорогая редакция!

Завтра и послезавтра выходные дни. Раньше я их любила. Особенно вечер в пятницу. Вымоешь детей, приберешь квартиру, приготовишь что-то вкусное — и два дня отдыхай! Всей семьей мы ходили в кино, в театр, прогулки устраивали. Даже не верится, что это было.

А теперь... Я со страхом жду вечера, стараюсь уложить детей пораньше, чтоб не видели пьяного отца, чтоб не слышали сообщения очередного его сабутыльника: «Иди, подбери своего у магазина». Пропивает человек зарплату, а вместе с нею и авторитет. А ведь работник он золотой, но денег семья не видит: в по-лучку раздаст долги, а на остаток угостит дружков. Что же делать? Рас-статься с ним? Но ведь он тогда все-сем опустится.

Анна Петровна Р.»

На письмо читательницы мы попроси-ли ответить Н. И. БОГАТЫРЕВА, члена Саратовского областного суда.

Уважаемая Анна Петровна!

Сочувствую вашему горю. Пьянство действительно огромное зло — и для са-мого человека, и для его семьи, и для окружающих. Сколько горьких приме-

ров могу припомнить из своей судебной практики! Распадается семья, когда-то бывшая дружной; в пьяной драке моло-дые люди изувечили друг друга; шофер «под градусом» стал виновником серьез-ной аварии... И когда разбираешь по-добное дело, нередко слышишь от под-судимого: «Ну, выпивал, я и не отрицаю. Что же тут особенного?» Случается, и свидетели разводят руками: неплохой, дескать, человек, никто и не ожидал, что он может докатиться до преступле-ния.

Я регулярно читаю «Работницу» — встречал на ее страницах и сетования женщин, и письма детей, и статьи о борьбе с пьянством. Мне хочется оста-новиться лишь на одной стороне этой борьбы. В юриспруденции есть такое понятие: «ограничение в дееспособности». На мой взгляд, в той ситуации, в какой оказалась семья Анны Петров-ны Р., стоило бы прибегнуть к этой ме-ре воздействия на человека, злоупотре-бляющего спиртными напитками. К со-жалению, жены, родители да и общест-венные организации редко используют ее.

Что же это такое? Жена, мать или кто-то из близких человека, страдающе-го алкоголизмом, а также прокурор в интересах указанных лиц имеют право обратиться в суд с заявлением об огра-ничении его дееспособности. Суд рас-сматривает дело и в случае необходимости вынесет решение об ограничении в де-еспособности. На этом основании испол-ком назначит попечителя, который

сможет получать зарплату, распоряжать-ся имуществом пьяницы. Согласитесь, не имея копейки в кармане, не очень-то развернешься. Ну, один раз перехватит денег взаймы, а во второй уж и не да-дут: отдавать-то не из чего.

Конечно, и ограниченный в дееспособ-ности человек может взять какую-то вещь из дома, продать ее. Но в этом случае попечитель имеет право требо-вать от покупателя возвращения вещи или ее стоимости. По опыту своей рабо-ты я знаю немало случаев, когда огра-ничение в дееспособности помогло лю-дям избавиться от пьянства, что назы-вается, встать на ноги.

Вот один пример. Общественность фабрики имени Самойловой возбудила перед народным судом Саратовского района ходатайство о применении этого закона к нескольким рабочим фабрики, на которых не удалось подействовать ни товарищескому суду, ни милиции. Дела их рассматривались выездной сес-сии народного суда прямо на предприя-тии. И что же вы думаете? Результат оказался действенным. Лишившись средств на водку, люди стали пить меньше и меньше, перестали нарушать дисциплину. И даже те, кто когда-то считал эту меру слишком жестокой, унижающей человеческое достоинство, теперь понимают: куда унижительнее для человека изо дня в день затуманивать сознание водкой, терять человеческий облик.

В семьи вернулись мир и спокойствие. Хочется пожелать, чтоб навсегда.

НАРЯДЫ ДЛЯ НАТЫ

Эти красивые платьица и костюмчики пойдут и кукле и ее маленькой хозяйке. Только в одном случае надо их шить, в другом — просто вырезать.

1. Комбинезон из плотной цветной хлопчатобумажной ткани отделан белой декоративной строчкой и вышивкой или аппликацией. Блузка из набивного ситца.

2. Нарядные летние брючки и блуза из льна разных расцветок. Отделка — «молнии» с колечками, цветная бейка и строчка. Костюм можно носить с ярким свитером из бумажного трикотажа.

3. Комбинированное платье из сатина разных расцветок и рисунков отделано узким белым кружевом.

4. Шорты из яркого льна и нофточка с отделкой из вязаной резинки.

5. Платье из сатина в клеточку, полоску или горошек. Воротник и планка из белого пике обвязаны по краю кривком, тонким мулине. Вышивка расположена так, чтобы пуговицы приходились как раз по центру цветочков.

6. Шерстяная юбочка отделана яркими бечками или тесьмой.

7. Платьице из яркой однотонной тка-ни отделано крупной строчкой. На бе-лой вставке — бочки и яркая шнуровка.

8. Костюм из цветной гладкой ткани. Юбка в складку и прямой жакетик с ру-кавом-крылышком. Блузка из набивной или белой ткани без рукавов, с кантом по вырезу.

9. Ситцевый сарафан с металлически-ми пуговицами. Фартучек и блузка из хлопчатобумажного кружева, шитья или гладкого однотонного сатина.

10. Юбочка из яркого набивного ситца или сатина. По талии в несколько рядов продернута резинка.

11. Блузка из льна с металлическими пуговицами. Все детали отстрочены.

12. Комбинированное платье из глад-ного и набивного ситца, отделанное тесь-мой-«выюнчиком».

Самая Ната одета в трикотажный ку-пальник с яркой аппликацией.

Художник Н. ГОЛИКОВА

На первой странице обложки:
А. Скирутите. Песня. Гравюра (фрагмент).

В приложении к этому номеру:
Собирайте лекарственные травы.
Выкройки детской одежды.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
[зам. главного редактора], А. Г. ХРИП-
КОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:

101458, Москва, А-15, ГСП-4,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; между-
народной жизни — 250-44-80; литера-
туры и искусства — 250-12-30; семья и
быта — 250-11-93; науки и антирели-
гиозной пропаганды — 253-30-76; худо-
жественного оформления — 253-34-79;
писем — 250-57-38; массовой работы —
250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Сдано в набор 25/III — 1974 г.
А 00775. Подписано к печ. 16/IV — 1974 г.
Формат 60 × 92½.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 12 600 000 экз.
(1-й завод: 1 — 10 842 500 экз.).
Изд. № 981. Заказ № 2060.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор
Т. Н. ЖУРАВЛЕВА.

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**